

ИВАН ЛАНКОВ

КАПРАН СЕРОВ:
ГОД 1757

Боевая фантастика (АСТ)

Иван Ланков

**Красные камзолы.
Капрал Серов: год 1757**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Ланков И. Ю.

Красные камзолы. Капрал Серов: год 1757 / И. Ю. Ланков —
«Издательство АСТ», 2022 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-148773-7

Год 1757-й. Капрал в золотых галунах отправляется вместе со своим полком на войну. Что ждет его там? Победа? Слава? Сержантский позолоченный протазан? Тут бы с хозяйством разобраться. Пуговицы, пряжки, жалованье и тысячи других мелочных поводов поссориться с интендантами, командованием и солдатами своего и чужих капральств... Где уж там думать о генеральстве!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-148773-7

© Ланков И. Ю., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Иван Юрьевич Ланков

Красные камзолы. Капрал Серов: год 1757

*Автор благодарит Михаила Андреева и Полину Каменецкую за
помощь в работе над книгой.*

© Иван Ланков, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

«Здравствуйте, мама и папа!

У меня все в порядке. Условия на вахте хорошие, есть столовая, душевая, теплые бытовые помещения. Работа интересная, мне нравится. К сожалению, сотовой связи здесь нет, потому что устроить конференцию по видеосвязи не получится. А выходить через спутник я смогу, только когда стану большим начальником и буду почаще бывать в городе. Но это и к лучшему. Ведь когда еще в наше цифровое время появится возможность получить настоящее бумажное письмо!

Так как это бумажное письмо, то, по законам жанра, я должен вам сейчас написать про погоду. Но не буду, потому как иначе мама будет волноваться. Да и какая тут может быть погода? Полярная ночь – и этим все сказано. Причем ночью на точках народу очень много. Практически все работы происходят зимой, в полярную ночь, когда по замерзшему грунту можно раскатать зимник, по которому большие тягачи смогут таскать большие грузы. Трансформаторы там всякие, столбы, катушки с проводами... ну что я вам рассказываю, сами все знаете.

На самом деле со стороны, в описаниях и на фотографиях все это выглядит гораздо страшнее, чем если жить здесь и смотреть своими глазами. Север – он не злой. Со своими особенностями, которые могут показаться городскому жителю неприятными, но в целом очень приятная земля.

Зарплату платят исправно, спецодежда качественная, натуральная, теплая и экологически чистая. Места здесь тоже очень даже полезные для здоровья. Первозданная природа, свежий воздух. Знаете, здешние старожилы говорят, что, если приехал на Север и не сбегал через неделю – значит, это на всю жизнь. Местные говорят, что бывших полярников не бывает. И я их понимаю. В покорении Севера есть что-то такое... завораживающее, что ли. Все эти зимники, вертолетные площадки и наглые, разбалованные местные олени... я словно в другой мир попал. Да, пожалуй, так и считайте – ваш сын, мол, попал в другой мир. У меня появилась интересная работа, новые друзья. А еще у меня теперь есть возможность похвастаться, что я оказался там, где никто из моих знакомых никогда не был и вряд ли когда-нибудь будет.

Хочу сказать, что я благодарен вам за все те знания и умения, что вы успели вложить в мою бестолковую голову. Как выяснилось, я далеко не самый бездарный человек, и это целиком и полностью ваша заслуга.

Когда вернусь – не знаю. Вахты по моей должности идут полгода и полтора года. Людей не хватает, сами понимаете. Потому что руководство настоятельно упрощает меня остаться еще на один сезон. Но за меня не беспокойтесь, у меня все хорошо. И в чем-то я даже счастлив. Ведь я участвую в большом деле, о котором потом много лет подряд будут писать в учебниках истории.

Буду писать по возможности. Если от меня полгода нет вестей – не переживайте. Отправка корреспонденции тут нерегулярная. Да и на тему писать письма я не большой умелец, уж извините.

Желаю вам крепкого здоровья! Привет брату!

Ваш сын Георгий».

– Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – Синево! – провозгласила женским голосом электричка, и вагон дернулся, набирая ход.

Я свернул листок и положил его обратно в конверт. Глянул адрес отправителя и с удивлением посмотрел на толстого мужика напротив.

– Это где вообще?

Толстяк махнул рукой.

– А, не бери в голову. Если вдруг попробуют нагрянуть в гости – то переведу тебя на другой адрес. Мало ли таких точек на Севморпути? Но в целом-то как? Нравится письмецо-то? По стилю похоже будет?

Я пожал плечами:

– Ну, почерк точно мой. А стиль... не знаю. Никогда не писал бумажных писем.

– Ну ничего. Научись. Было бы желание. Да, малец? Есть оно – желание-то?

Мне стало немножко стыдно. Все-таки родня. Как они там?

– И сколько ты уже таких писем послал?

– Это уже второе. Как и договаривались, письма буду слать каждые полгода.

Я отвернулся к окну вполоборота и спросил, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

– А какой-нибудь ответ получить можно будет?

Молчит.

Вздыхнул, повернул лицо и напоролся на тяжелый взгляд желто-карих глаз. Добродушная улыбка с лица мужика куда-то пропала.

– Нет.

– Почему?

– Потому что.

Вот как?

– Очень информативно.

– Они еще не родились, малец. И от тебя зависит, родятся ли вообще.

Я вскинул брови и покосился на конверт.

Мужик махнул рукой и выхватил у меня письмо.

– Ты, малец, голову-то себе парадоксами не забивай. Говорю – с твоими все в порядке, письмо они получают. Веришь?

Мне стало как-то неприятно. Грубо отвечаю:

– А ты не Господь Бог, чтобы тебе верить.

Мужик поперхнулся, быстро достал из нагрудного кармана грязный носовой платок и шумно высморкался. Откашлялся в сторону, протер ладонь платком и сказал:

– Ну смотри сам. Я свою часть уговора блюду. Ты уж тоже постарайся, хорошо?

Пожимаю плечами. Будто у меня выбор есть, ага.

– Куда ж я денусь. Что там? Шпиона поймать надо или еще чего?

Думал – заржет в своем фирменном стиле, ан нет. Он изобразил на толстой морде нечто вроде смущения и, глядя в сторону, проговорил:

– Да я и сам не уверен. Видишь ли, какая штука. Один из игроков сделал ход. Да такой, знаешь, на тоненького. Ну вот как я Чичагова от воспаления легких твоими руками спасал, так и этот что-то такое делает. Что-то мутит, мутит... А я все в толк не могу взять, что именно. Если честно – я бы даже не догадался, что на моей земле играют. Просто недавно обратил внимание, что у меня появилось право на ответное вмешательство. Ответное, понимаешь? А на что отвечать, скажи мне? Это не дуболом Юнас, не боевик с кучей приметных инородных вещей. Какой-то уж очень хитрый субчик...

Мужик допил банку, одним движением смял ее и бросил под сиденье. М-да. Все-таки он не меняется. Аккуратность и чистоплотность – не его стиль.

– От меня-то чего хочешь, старый? Я, знаешь ли, намеков не понимаю. Молодой, глупый, все дела. Ты уж как-нибудь поконкретнее цели ставь, что ли!

Толстяк снова не принял шутливый тон. Посмотрел все так же тяжело, придавливая взглядом. Потом залез во внутренний карман куртки, достал смятую бумажку, небрежно расправил ее и показал мне.

– Знаешь его?

На листке синей шариковой ручкой был сделан достаточно неплохой шарж. Знакомое лицо. Круглое, щекастое, в парике с буклями...

– На генерала нашего похож, Василия Абрамовича. Я, правда, его только издалека видел...

– Верно, малец. Он самый, Василий Абрамович Лопухин. И племянница его, Машка. И еще зятек, Петрушка Черкасский. Где-то рядом с ними трется чужак. Они его знают в лицо. Они с ним разговаривали. Он уже как-то влияет на их судьбы. И мне это очень не нравится, малец. Очень.

Чего он хочет-то, не пойму?

– Мне что, этого чужака найти, поймать и убить?

Мужик поморщился.

– Ишь какой боевик-убивальщик нашелся! Ты хотя бы просто мне информацию какую-нибудь дай. Что да как, да почему. Я, малец, никак в толк взять не могу, что происходит. Нутром чую, что какая-то муть вокруг Лопухина творится, а что, к чему да почему – не понимаю. И мне это, знаешь ли, совсем не нравится.

Ого! Это он серьезно?

– И как я, простой солдат, буду следить за генералом? Ты в своем уме, старый? Тем более он даже не в нашем городе!

Мужик невесело усмехнулся в грязные засаленные усы:

– Помнишь анекдот? Ну этот, где сова такая: «Мыши, станьте ежиками»? Я, малец, стратегические вопросы решаю. А ты уж как-нибудь постарайся, очень тебя прошу. Поможешь?

– Станция Синево! – объявил женский голос, и электричка начала сбавлять ход.

Глава 1

Стаканчик с костями с глухим стуком ударил по столешнице. Столпившиеся вокруг люди невольно подались вперед, чтобы рассмотреть выпавшие на гранях кубиков значения. Раздался вздох разочарования.

– Три плюс два! – довольно осклабился ундер-офицер Максим Годарев и подгреб к себе банк.

Ундер-офицер Ефим Иванов в сердцах шлепнул своими огромными ладонями по столу.

– Да чтоб тебя!

Заскрипели скамейки, вскочившие было игроки с ворчанием рассаживались обратно по своим местам.

В большом и просторном зале кухмистерской было холодно, душно и накурено. Света от масляных коптилок едва хватало, чтобы рассмотреть лица друг друга, а от часто открываемой входной двери регулярно сквозило. Но зато здесь была возможность сдвинуть несколько столов один к одному и устроить посиделки ротных ундер-офицеров, которые за эту зиму стали уже традиционными. Хозяин заведения – одноногий калека, не так давно списанный из армии по увечью – был хорошим знакомым Архипа еще по свейской войне. Потому капралы и ундера всего нашего батальона столовались именно тут. Да и готовили здесь хорошо, чего греха таить. Даже картошку подавали. Мелкую, как по мне, но – картошку! Как же я по ней соскучился! А местные ее не жаловали. Они вообще консервативны в плане еды, экзотика у них не в чести. Не только картошку не едят, но и яблоки.

Яблоневые сады сейчас активно высаживают по всей России. Сами яблоки стоят дешево, потому что их особо никто не покупает. Нет привычки. Думают, мол, очередная блажь власть имущих, нехай они это все и едят. Я ж не буду им говорить, что яблоки станут главным фруктом в стране. Это сейчас они мелкие и кислые. А через двести лет будет ого-го! Как и картошка окажется главным овощем, а эту вашу репу позабудут, как страшный сон. Впрочем, пусть их. Мне больше достанется.

Да, я стал завсегдатаем таких посиделок. Нет, я не пристрастился к игре, хоть и играл вместе со всеми. К выпивке и табаку тоже пока оставался равнодушным. Просто... Солдатам нужен отдых. Хотя бы пару часов вечером. А при начальстве, знаете ли, не расслабишься. Особенно если это начальство – капрал. Капрал – он злой. Он муштрует. Он бьет. Он постоянно придирается к каждой мелочи, от пуговиц и выправки до знания артикула и экзерциций. Даже если капрал покровительственно похлопает по плечу и скажет: ну чего ты, мол, Степа, жмешься? Мы ж с тобой из одного котла ели! Степан, разумеется, вежливо улыбнется и даже поддержит разговор. Но все равно не расслабится. Конечно же мы со Степаном ели из одного котла. Только вот тот криворукий калач из Шлиссельбургского полка, над которым Степан поставлен «дядькой» – он сегодня снова накосячил. И ему влетело. И Степану неудобно. А еще Степан знает, что шлиссельбургский накосячит и завтра. И послезавтра. Это полено еще тесать и тесать, такого за день не воспитаешь.

Поэтому Степан напряжен. И разговор ведет так, чтобы и меня отвлечь рассказом о том, чему научился у пушкарей, и в то же время загородить спиной бестолкового новичка. Чтобы я не увидел, значит, как он снова рукавом нос вытирает.

Да и Сашка тоже. Я ж ему тут втащил недавно. Потому что... Короче, между мной и ребятами моего прошлогодного шестака образовалась дистанция. И по вечерам я ухожу, оставляя их наедине с собой. Чтобы они могли расслабиться и спокойно поужинать, не опасаясь очередной выволочки. Да уж. А ведь прошлой весной, там, в учебном лагере в Луге, я еще удивлялся. И куда это, мол, старые солдаты с капралами сваливают после обеда? И еще радовался, помню. Наконец-то ушли, хоть ноги отдохнут! А теперь вот и я ухожу. И другие капралы и ундера роты

тоже уходят. Потому что у остальных капралов ситуация в капральствах примерно такая же. Эти шлиссельбуржцы... они ж никакущие! Настолько унылые солдаты, что Степан – вместе со мной в рекрутской команде был год назад, если что – становится «старым солдатом» над шлиссельбуржцем пятого года службы. И да, Степану есть чему учить этого недоумка. Вот же порадовали нас пополнением, а?

А ведь еще летом наша рота числилась лучшей. Да и без ложной скромности можно сказать, что и являлась таковой. Лучшей.

А потом... В октябре его сиятельство граф Шувалов объявил о создании Обсервационного корпуса. В который было велено собрать лучших солдат со всех полков. Если учесть, что в марте уже собирали лучших солдат в гренадерские роты взамен тех лучших солдат, что были отобраны на формирование гренадерских полков... А все равно, найди да пред оставь. Будто у нас тут фабрика по производству лучших, ага. В полках и так некомплект из-за того, что рекрутский призыв пятьдесят четвертого года оказался с недобором, а внеочередной призыв пятьдесят шестого года и вовсе провалился из-за эпидемии в этих новомодных учебных лагерях графа Шувалова. Причем в другом лагере, том, что в Великих Луках, так и вовсе случилось восстание рекрутов, которое пришлось давить войсками. Это нам один из киевских кирасиров по секрету рассказал, про восстание-то. Да и вообще слухами земля полнится.

Нет рекрутов – нет пополнения. Людей не хватает даже заполнить штат. Но при этом – вынь да положь, да непременно лучших, ага.

Проблему некомплекта людей в линиях граф Шувалов придумал решить простым переводом нестроевых в строй. А че? Людишки – они и есть людишки, какая разница-то? Так что вот этих всех возниц, денщиков, мастеровых – и в строй. На бумаге это почти полторы сотни человек. Хватит, чтобы закрыть большую часть штата. Ага. А то, что в реальности нестроевые – это или бестолковые недоросли, которым по молодости лет еще рано в линии стоять, или совсем уж седые старики, постарше нашего Семена Петровича... Его сиятельству графу Шувалову такие мелочи неинтересны. Решение он нашел, а дальше вы как-нибудь сами. Взамен он обещал в качестве нестроевых прислать малороссов гетмана Разумовского. Мол, договоренность уже есть, так что ждите, все будет... когда-нибудь. Ну-ну. А в памяти-то еще свежи рассказы о летних событиях в Польше, когда слобожанские и малороссийские казачки начудили так, что генерал Апраксин приказал их срочно отвести на восток, во избежание. И вот теперь их же сородичей поставить к нам на полковой обоз? Прекрасное решение нашел его сиятельство, ага. Дивизионное начальство прям ножками сучит от восторга.

И так-то вроде все эти рескрипты Конференции выходили постепенно, по чуть-чуть. И там, в Лифляндии, дивизия особо и не нервничала по их поводу. Так же по чуть-чуть исполняли или не исполняли. Спокойно, в рабочем режиме. А вот мы... На нас все это счастье свалилось разом, в один момент, в январе, вместе с явлением в полк нового командира, полковника Вильгельма Лебеля. Полковник пришел, сделал назначения на должности и повышения в чинах, а потом достал из сундука толстую пачку накопившейся корреспонденции и... полк затрясло в лихорадке реформ.

Шлиссельбургский полк, который летом развалился на куски из-за проблем с руководством, большие начальники из Петербурга решили сделать учебным, а опытных солдат из него раздать на пополнения. К нам из того полка пришло почти четыре сотни человек. А две с лишним сотни людей – лучших, разумеется, в нашем полку негодных нет – отправились служить в Обсервационный корпус. Еще обещали прислать на пополнение полсотни ландмилиционеров из Нижнего Новгорода, но, как известно, обещанного три года ждут.

Итого по личному составу в целом нарисовалась следующая картина. Полк весной потерял две сотни своих гренадеров, взамен летом получил три сотни рекрутов – это та команда, с которой прибыл и я. Потом потерял три сотни рядовых, отданных Шувалову, обратно получил еще четыре сотни «шлиссельбуржцев». Получается, что каждый третий солдат в полку – нови-

чок, зимующий в полку первую зиму. Да и качество новичков... Или бестолковые рекруты, или горькие пьяницы и прочий сброд, от которых их прежний полк избавился без малейшего сожаления.

А я, например, хоть и капрал, но все равно по сравнению со старослужащими еще зеленый салага. Хотя бы потому, что для меня это тоже первая зимовка не только в полку, но и в армии вообще. А зимой солдаты живут не совсем так, как летом. Есть некие особенности, знаете ли.

Так вот. С рекрутами-то все ясно. Новички – они всегда новички, и есть устоявшийся шаблон, как именно их обтесать под службу. А вот шлиссельбуржцы...

Те, кого нам отдали из Шлиссельбургского полка – это, конечно, что-то с чем-то! Больные, тощие, битые-перебитые, глаза у кого потухшие, у кого одичавшие, одеты все в обноски... Имуущество полка они в полку же и оставили, пришли к нам без ничего. При том, что те наши, кого граф Шувалов забрал в Обсервационный корпус, – они обязаны были идти уже полностью упакованными. Так не принято, ведь полковое имущество принадлежит полку, а не солдату... Но кто воспротивится графу Шувалову? Полковник Макшеев? Так ему до нашего полка уже и дела нет, он теперь гражданский чиновник. Новый полковник? Так он иностранец, еще не вник в местные особенности. Потому сейчас играет педанта. Что велено – то и делает.

Но это еще не все наши несчастья. Есть еще одно, имя которому – капитан Алексей Андреевич Нелидов. Новый командир роты. Произведен из гвардейских сержантов в капитаны и выслан в войска. Такой вот подарочек. Преображенец с лицом и повадками горького пьяницы – прошу любить и жаловать, ваш новый командир. В роте он появляется нечасто, почти все время проводит в штабе батальона при майоре Небогатове. Наверное, учится и стажирруется. Все ж капитанская работа – ее знать надо. Ну или пьет. Или и то и другое сразу. А ротные дела все так же решает поручик Нироннен. Разве что с поправкой на редкие набег Нелидова с ворохом сверхценных советов и спесивой критики. Ох, намучаемся мы еще с ним, нутром чую!

М-да. А мое капральство...

– Как дела, Жора? – спрашивает меня крестный. С заботой так спрашивает, с участием.

Он – ундер-офицер, у него полномочий побольше, чем у меня. Может по-свойски подсобить, если вдруг надо чего, да не доводя до ушей поручика Нироннена. Ну там, мало ли что. Но я пока его ни о чем не просил. Эта глупость еще успеется.

Встречаемся мы, считай, каждый вечер. Кроме тех случаев, когда мое капральство заступает в караул. Над нашей полуротой за старшего – ундер-офицер Годарев, капральства из полуроты Ефима заступают в другую смену. Потому видимся вот на таких ундерских посиделках в кухмистерской знаконца Архипа.

Собираемся, ужинаем, обсуждаем текущие дела и планы на завтра, решаем рутинные вопросы – ну, мало ли, кто из солдат занемог и его подменить надо на работах или в караулах. Играем в кости по малым ставочкам. У нас тут все по-свойски. Кто выиграет – тот за всех и платит. В целом выходит вроде каждый за себя расплатился, а вроде и поиграли с азартом. Я, правда, не выигрывал еще ни разу. Обыгрывать по комбинациям мне по сроку службы не положено, а шанс выпадает редко, и, как правило, не в тему.

Шанс – это комбинация, когда из пяти костей у всех разные значения. В тех правилах, по которым играем мы, шанс – самая высокая комбинация. Выше, чем пять одинаковых значений. Правда, только в том случае, если выпадает с первого броска. Если со второго или третьего – то считается лишь одна костяшка старшего значения.

Так и играем. Ставка, потом бросок, оставляешь на столе понравившиеся костяшки и можешь сделать еще два броска. Потом отдаешь стаканчик следующему. Те, у кого одинаковые значения – играют между собой, пока не останется только один. И вот самый смак игры, когда в финале человек с трех бросков собирает, к примеру, четыре одинаковых, а его оппонент с первого же броска выбрасывает шанс. О, какой тут случается всплеск эмоций! Крики, вопли,

обида, восторг, зависть, восхищение, требование пересмотреть правила... Шанс – он такой. Кто-то старается, разрабатывает стратегию, выполняет суеверные ритуалы перед каждым броском, а кому-то просто повезло.

В паузах между партиями травим байки. Максим Нилыч Годарев, как человек образованный и дворянин, рассказал мне, что слово «азарт» произошло от слова «зар», что означает – «игральная кость». Оно проделало длинный путь от арабов к испанцам, от испанцев к французам, а оттуда уже к нам. Я в ответ рассказываю, что слово «шанс» по французски означает всего лишь – «бросок».

Я самый младший из тех, кто сидит за столом. Не по званию, по возрасту. Потому больше слушаю и запоминаю, сам же говорю мало. Редко когда удастся вставить свои пять копеек, чтобы было в тему и не напрягло старших. Ну а старые капралы с удовольствием дают советы и травят наставительные байки. Оно же приятно, когда вроде бы за столом все равные, но есть тот, перед кем можно выпендриться, рассказывая поучительную историю. А я что? Мне несложно. Киваю в нужных местах, восхищаюсь там, где от меня этого ждет рассказчик. Знания лишними не будут.

Стаканчик передают мне. Встаю, двигаю в банк в центре стола медную монетку. Трясу костяшки, переворачиваю, бью об столешницу. Убираю стакан. Ага, две единицы оставляем, остальные кубики обратно в стакан. Еще. И еще. Ну вот, две тройки выпало. Два плюс два – ничего так, средняя комбинация. Передаю дальше и сажусь на место.

Спрашиваешь, как у меня дела, крестный? Так и хочется сказать, что хреново у меня дела. Проблем вагон и маленькая тележка.

Вот, к примеру, из вечного: деньги. Жалованье, еда, дрова, солома – на все нужны деньги. А потребности капральства зимой чуть выше, чем позволяет жалованье. Летом-то мы никаких приготовлений не сделали. А даже если бы и успели чего – новички все равно бы все свели к нулю. Да и тем, кто уходил, надо было с собой чего-нибудь в дорогу собрать. Знаем мы интендантов графа Шувалова, наверняка там в этом новообразованном корпусе из имущества только обещания.

В общем, туго с деньгами. В декабре даже думал пойти к Стродсу и попросить своих денег, чтобы из них покрыть нужды капральства, но Семен Петрович отговорил. Не надо, говорит, свое вкладывать в служебное. Во-первых, не окупится. А во-вторых, то, что ты сегодня делаешь просто, чтобы помочь – завтра от тебя будут требовать. Так что будь любезен, изыщи возможность в рамках службы. Да и майор Стродс был злой как собака. Полковая казна пуста, долговых расписок хоть печь топи. Так что мне за то мое золото большая человеческая благодарность. Впрочем, я не в обиде. Легко пришло – легко ушло. Да и не мое оно было, если быть совсем откровенным. Послужило хорошему делу – и то хлеб.

Но тем не менее, кроме большого человеческого спасибо, майор Стродс нашел для меня еще и чуть-чуть возможностей. Починять крыши – не самое прибыльное дело, зато в наших силах. Так-то самое прибыльное – это стоять постом у переправы через реку Великая, на входе в город. Зима, снег, реки встали, дороги превратились в отличный санный путь, по хозяйству хлопот почти нет – самое время для торжища. Купцы, купчишки и просто деловитые крестьяне стекаются в Псков со всей окрестности, а то и из других регионов. Разумеется, нужно следить, чтобы никто торговый люд не обидел. Внимательно так следить, ага. А торговый люд – он такой, благодарный. Обязательно вознаградит служивого за старание. От чистого сердца, так сказать, прими, не побрезгуй.

Но это место было крепко занято ундер-офицером Фоминым и ундер-офицером Ивановым, который Ефим. Другим там ловить нечего. Разве что плетей, если поймают вдруг за руку какого-нибудь гада окаянного, что смеет с честного торговца мзду вымогать.

В январе наконец-то раздали жалованье, секунд-майор Стродс и его каптенармусы быстро подсуетились, сменяли на звонкую монету многочисленные долговые расписки, и вроде как жить стало легче. В плане финансов и снабжения.

Но вот пришли шлиссельбуржцы, и началась большая полковая реформа. С трех батальонов о пяти ротах полк уменьшался до двух батальонов с четырьмя ротами каждый. Третий батальон полулегально теперь считался учебным и, по предварительным планам, на кампанию должен был остаться во Пскове, вместе со всеми негодными к походам старыми солдатами. Плюс отдельно инженерная полурота и одна полурота в помощь и охрану пушкарям. То есть полк теперь состоял из девяти рот. Зато полного штата, по двенадцать дюжин мушкетеров и полным комплектом капралов и унтеров. Разве что офицеров некомплект, но эту проблему обещали решить к весне. А мне выделили под командование свое собственное капральство. В его состав вошла дюжина солдат из бывшего капральства Ефима, Семен Петрович и дюжина этих, пришлых. Наслаждайся, Жора.

Проблема денег снова встала в полный рост. На амуницию каждого солдата положено выделять сорок рублей в год. А это на дюжину моих шлиссельбуржцев – без малого пять сотен. Камзол, кафтан, башмаки, епанча, мушкет, огнеприпас по стандарту военного времени. Даже если бы я требовал у майора Стродса свое золото – все равно не хватило бы. Но полковой квартирмейстер помнит добро, и ротный каптенармус пообещал, что первыми, кто получит мундиры от полковых портных, будут мои сиротинушки. Но когда это еще будет? Скоро февраль, мороз ударит так, что и в кафтане-то околеешь, а мои оборванцы до сих пор по Крому шляются в драных армячках. На солдат они похожи только потому, что у них на головах треуголки, а не шапки-литовки или треухи, как у обычных горожан. Впрочем, в зимнее время года вполне позволялось дополнительно утепляться. Надеть меховую жилетку под кафтан или на кафтан не считалось нарушением формы одежды. Если, конечно, в городе нет каких-нибудь важных шишек из столицы.

А еще у меня сразу не заладились отношения с одним из моей шлиссельбургской дюжины, с Кирилой Белкиным. Он такой... наглый, в глазах постоянно насмешка, говорит все время со шпильками да подколками. За одиннадцать лет в армии это у него уже третий полк. Сначала был во Владимирском, потом его под благовидным предлогом – лучший солдат, а как же! – перевели в Шлиссельбургский, где он и продемонстрировал свой неуживчивый характер еще пять лет. А тут вдруг такая оказия – можно снова помочь хорошим людям, предоставив им лучших солдат!

Белкин... И формально-то вроде его даже упрекнуть не в чем. Ну мундир на нем сидит чуть-чуть расслабленно, но в рамках приличий. Во фронт тянется вроде бы, как положено, разве что самую малость голову наклоняет эдак... И вроде все нормально, но все равно остается впечатление, что он постоянно надо мной насмехается. И смотрит так, будто он все знает и умеет, а я молокосос и недотепа, и его просто забавляют мои потуги показаться большим начальником... Иногда даже артикул воинский цитирует, как заправский Капитан Очевидность. Не мне, конечно, а как будто рядом сидящему солдату... Но все равно эдак с подковыркой. Грамотный, ишь ты. Прибил бы гада.

И еще Сашка. Я ж ему за что в лоб засветил-то фирменным ударом Ефима? А у меня просто выбора не было. Сашка – он же маленький, но вредный. Хулиган и забияка. Когда шлиссельбуржцев зачислили в мое капральство, Сашка сразу начал показывать пришлым, что он вроде как со мной на короткой ноге и что в капральстве он не прыщ, а шишка.

Ну и как-то раз сидели в доме, шили, всякой вечерней мелочью занимались, и вдруг вздумалось ему начать пришлых задирать. В своем фирменном стиле – дерзко, обидно. Да еще и при мне. И еще так оглядывается исподтишка – вижу ли я? Ну мало ли, вдруг его выручать придется, успею ли?

А я смотрю – придирается-то по пустякам. До столба докопался. Где вас таких, мол, учат, что шило в руках держать не умеете. У нас в Кексгольмском полку таких вот, как вы... И понес, и понес! Язык что помело!

И Белкин этот, смотрит так... В общем, чую, сейчас Сашку будут бить. На глазах у меня и у остальных. Причем так-то бить за дело, но... пришлые бьют местного? Нельзя такого допустить. А что, разрешить мелкому шкету разводиться дедовщину только на том основании, что он с капралом вась-вась и типа приближенное лицо? Тоже нельзя. Вот и пришлось мне прописать Сашке в лоб до того, как он прохватится от Белкина с шлиссельбургскими и спровоцирует большое побоище внутри капральства.

Сашка встал, утерся, вытянулся во фронт и испросил разрешения выйти. Ну иди, чё. Обиделся, ишь ты. На обиженных воду возят! А в комнате тишина повисла. Ни старички, ни новички ничего не говорят. Даже Семен Петрович промолчал. Только у Белкина такое насмешливое выражение на лице, будто я все равно ошибся. Ведь получается, что я бил своих на глазах у чужих.

И можно, конечно, начать слова говорить, мол, какие они мне чужие, вроде ж мои, моего капральства. И можно было вообще пытаться весь этот конфликт словами решить. Меня так все детство учили – все, мол, нужно решать словами.

Да только вот ведь какая закавыка. Чтобы словом можно было что-то решить – это самое слово должно вес иметь. Слово не должно само по себе висеть в воздухе. Оно должно быть альтернативой чему-то. Тогда да, тогда можно будет словом решать. А в этой ситуации что делать? Наябедничать кому-нибудь из офицеров и прогнать сквозь строй и правых и виноватых? Отличное решение, ага.

Сложно все это. И так плохо, и эдак плохо, и перешептывания по углам.

Поэтому я начал по вечерам ходить в кухмистерскую, играть в кости с капралами. Давать отдохнуть ребятам. А еще я завел себе настоящий шпицрутен. И на следующее утро даже пару раз пустил его в ход. Белкин тогда еще посмотрел так насмешливо – мол, чего, молоко-сос, в начальника играешь, ща всех запорешь до смерти? Вай, баюс-баюс! И я, может быть, и сорвался бы. Если бы не одобрительный взгляд Семена Петровича, нашего бессменного «дядьки». Хорошо, что поручик Нироннен перевел его в мое капральство. С ним как-то спокойнее. Он мужик тертый, опытный. Не даст натворить совсем уж очевидных глупостей.

Да уж.

Спрашиваешь, как у меня дела, Ефим? Зачем спрашиваешь? Ждешь, что я начну жаловаться на своих солдат, на нищее хозяйство обеих артелей капральства, на безденежье, морозы, хреновое снабжение, свары в коллективе, просить помощи и поддержки? В другой раз, Ефим. Как-нибудь в другой раз.

Улыбаюсь радостно, протягиваю руку для приветствия и отвечаю:

– Нормально, крестный. Как сам?

Глава 2

Кафтанов – двенадцать штук, на каждый кафтан двадцать пять пуговиц, всего триста. Камзолов двенадцать, на каждый шестнадцать пуговиц, итого сто девяносто два...

Я сидел и заполнял имущественный формуляр для каптенармуса. То, чего мне не хватало для полного счастья. А не хватало мне... «Пуговиц штиблетных»... сколько их надо-то? Сверился с табелем о вещах в капральстве, щелкнул пару раз костяшками на больших деревянных счетах.

Моим шлиссельбургским сироткам нужны мундиры. Но учет и контроль – вещь такая. Нельзя просто написать – вот, мол, нужны мундиры, столько-то комплектов. Нет уж, будь любезен все имущество подробно распиши. Пуговицы каждого вида – отдельно, пряжки каждого вида – отдельно. Ремни, пояса, бляхи на сумку... Хорошо хоть аршины сукна на камзолы считать не надо... наверное. Если надо – то мне придется всю табель переделывать. А ротный каптенармус сейчас работает в режиме приема заказов. Большая полковая реформа привела к авралу по линии интендантов, у писарей всех уровней, от полкового до ротного сейчас тоже полный завал. Потому, если я хочу, чтобы мое капральство не ждало обещанного до морковкина заговенья, то надо бы немножечко облегчить и ускорить, так сказать.

Впрочем, заполнять ведомости и формуляры – это тоже часть работы капрала. Это офицер может быть неграмотным, ему по штату писарчук положен. А нижним чинам личные писари не полагаются. Из-за этого, например, при производстве в капралы преимущество отдается грамотным. Да и вообще, в одном из наставлений сказано: правление капральства уподобляется правлению роты, а ротное уподобляется полковому и так далее. Поэтому теперь я в своей капральской сумке постоянно таскаю кучу бумаг: послужной, ранжирный и малый переключной списки, сокращенный строевой устав, табель о вещах в капральстве...

Прав был Ефим, когда говорил, что работа капрала сродни работе деревенского старосты. Казалось бы, самая младшая командная должность. Однако если капрал владеет только тростью и шпицрутеном, а перу не уделяет должного внимания – то у такого капральства могут начаться проблемы. За решением которых придется обращаться к унтер-офицерам. А эту дурость я всегда сделать успею.

Так что рисуй циферки, Жора, рисуй. Капрал – должность творческая, высокохудожественная. А для муштры можно своей властью назначить любого старого солдата мелд-ефрейтором и экзерцмейстером, самому же только щеки надувать и критику разводить. В перерывах между написанием бесконечных цифр в формуляр.

Хлопнула входная дверь, и вместе с морозным облаком в комнатенку ввалился Федька Синельников, денщик поручика Нироннена.

– Жора, привет! – с одышкой говорит Федька. – Тебя Мартин Карлович к себе кличет!

– Ща в лоб дам! – спокойно отвечаю, не поднимая головы.

Федька еще летом пытался быть со мной запанибрата, когда я находился на излечении и замещал должность ротного писаря. И пробовал всячески угодить. Наладить, так сказать, отношения. Впрочем, в плане угодить – это Федька пытается проделать с каждым. И что-то угодить у него не очень-то получается, все равно постоянно шпыняют. Вроде до поры до времени смотрят на него благосклонно, а потом все равно бьют. Есть в нем что-то такое...

А ведь если так подумать, без лишних эмоций, то Федька выходит очень даже полезный человек. К примеру, чернила, которыми я пишу – его изготовления. Хорошие чернила, удобные. Не сильно жидкие, не сильно густые, в самый раз. Он их варит только для своих, хитрым образом смешивая сажу, водку и толченый сахар. Получается хорошо. Те, что продаются в городской канцелярской лавке, куда как хуже будут.

В общем, Федька пытается быть хорошим для всех и сразу. А сейчас так особенно. Потому как вопрос перевода в строй на данный момент подвис в воздухе. То ли переведут, то ли замнут, то ли переведут, но не всех... Вот он и шуршит, как электровеник, пытаясь оказаться незаменимым на своей должности при господине поручике. Вон, и как посыльный работает, и как денщик, а еще конюх, кучер, повар, прачка и назойливый радиовыпуск вечерних гарнизонных новостей.

Но осаживать его надо. А то если близко к себе подпустишь – прилипнет, как жвачка к ботинку, так и будет тархтеть над ухом, пока в лоб не засветишь.

– В смысле это, как его... Господин капрал, тебя вызывает господин поручик. Велит немедленно явиться!

– Ну вот, другое дело! – одобрительно хмыкнул я.

Кто-то наверху услышал мои молитвы и сотворил мне легальный повод отдохнуть от рисования циферок. Все-таки писать пером – не самый быстрый процесс. Моя бабушка запрос в поисковик вбивала быстрее, чем я тут этой военно-складской каллиграфией занимаюсь. А она это делала одним пальцем, подолгу глядясь в клавиатуру.

Да и спина что-то затекла. Так что перо в сторону, пойду прогуляюсь.

Кстати!

– А чего это вдруг ты прибежал? – спрашиваю Федьку. – При роте же сейчас от моего капральства Никита вестовым стоит. Господин поручик мог и его отправить.

– Так это... – развел Федька руками, – оне же сейчас это, вот... А я как раз ничем не занят!

И лицом дергает, будто пытается подмигнуть.

– Понятно. Отлыниваешь под благовидным предлогом, – проворчал я и выпрямился. Ноги от долгого сидения на неудобном табурете изрядно затекли. Надо будет раздобыть где-нибудь меховую подстилку, что ли...

Надел кафтан, неспешно застегнулся. Бросил взгляд на исписанный наполовину лист. Как-то все-таки нехорошо бросать это все недоделанным. Пуговицы для шляп, на погон камзольный одна штука и прочие там пряжки башмачные вечером особо не считаешь, при свече писать – только глаза портить. Так что...

– Кирила! Поди-ка сюда!

В соседней комнате скрипнула скамейка, зашаркали башмаки по доскам пола и появился Белкин с недовольным лицом. Расправил плечи, изобразил вытягивание во фронт. Я уловил легкий запах перегара.

– Ты ж вроде хвастался, что грамоте обучен?

– Угу.

– Садись вот, заполни формуляр на сироток.

– Угу.

– Да не угукай, филин! И без тебя знаю, что это интендантские писарчуки делать должны. А морозы грянут – чувством собственной правоты греться будешь?

– Угу, – снова гукнул Белкин, сел за конторку и с презрением уставился на перо.

– В общем, вот список того, что в наличии, вот – что должно быть по штату. Разницу сосчитай и впиши сюда. Вернусь – отнесу всю эту макулатуру к каптенармусу. Усек?

– Угу. А это на весь день, или потом еще приказания будут?

Это он с насмешкой или всерьез спрашивает?

– Ты, главное, успевай до темноты. А там видно будет.

– Угу.

Как дал бы! Но нет, он на меня уже не смотрит, взял в руки перо и внимательно изучает списки. Гляди-ка, и правда грамотный!

Ну вот и славно. Давай, brutальный мачо с прокушенной щекой, принеси немножко пользы капральству. А я пойду, разомну косточки в сторону Довмонтова города, где в Приказных палатах расположилось правление нашего батальона и всех его четырех рот.

Перед выходом крикнул в сторону лежащего на деревянных нарах старого солдата:

– Семен Петрович! Я к ротному. Побудь снова мелд-ефрейтором, ладно? Как ребята отобедают – Степана поставь над ними экзерцмейстером. Нечего попусту время терять.

* * *

Снег хрустел под ногами. Я шел широким, размашистым шагом по протоптанной в снегу тропинке, рядом семеня Федька, все время пытался поравняться со мной, но постоянно сбивался с ноги. Тропинка узкая, по натопанному рядом со мной не уместиться, он то и дело проваливается в сугробы или спотыкается об укрытые снегом кочки. Но Федька готов пойти на такие муки ради еще одной порции полковых сплетен.

– Там вчера вечером к господину полковнику княжич из Новгорода приезжали. Сын губернатора Черкасского. О чем-то они там поговорили, и полковник прямо-таки в бешенство пришел, представляешь! Ругался на чем свет стоит!

– Сам слышал, что ли?

– Ну сам не сам, ребята сказывали, что в полковом учреждении в карауле стояли. Опять же, как княжич уехал, так господин полковник собрал господ майоров и ротных командиров. И уже на них ругался. Да так яростно, будто зверь дикий, веришь ли?

Пожимаю плечами.

– Ну. А мне что с того? Где господин полковник – и где я!

– Так я ж объясняю! Когда господин капитан Нелидов оттуда, от господина полковника пришел – злой был очень. И нашему Мартину Карловичу, значит, взялся высказывать. Вот, мол, разболтались мы тут совсем. Надо, мол, порядок навести.

– Ну так навел бы. Что, руки отсохли? Забыл, с какой стороны за метлу браться?

– Да не, я ж не в том смысле! В этом-то у меня все нормально, ты же знаешь. Все чистенько, прибрано, сверкает! Я о другом! Ну это...

Федька споткнулся в очередном сугробчике и приотстал. Вот и славно. А то ж он сейчас за эту порцию сплетен потребует ответную. Ему ж, блин, все интересно!

– Жора! Господин капрал! – запыхавшимся голосом кричит он мне вслед. – А что с Сашкой случилось? Говорят, побили его!

Поздно, любезный. Я уже дошел.

У белого каменного двухэтажного дома, что стоял у самой крепостной стены, было многолюдно. В дальнем флигельке обитали каптенармусы, у Смердьей башни, которая была совсем рядом с Приказными палатами, был оборудован склад, там же неподалеку разместились полковые мастерские. С парадного входа в доме есть широкая лестница на второй этаж, там обитает командир батальона майор Небогатов и его ротные. У входа зябко переминаются с ноги на ногу двое солдат. Капральства всех рот раскиданы по разным домам по всему Крому и Довмонтову городу, потому от каждого из них сейчас присутствует по одному солдату в качестве вестовых – для связи, и одна целая дюжина для несения караульной службы.

Те солдаты, что не заняты работами на складе или в мастерских, отдыхают в доме, в крыле для прислуги. Греются. Некоторые сидят в комнате истопника, курят трубки и дуются в карты.

Квартира Мартина Карловича находится там же, с задней стороны дома. Он не гордый, его не особо коробит, что в его квартиру с черного входа попадать надо. Зато сейчас там теплее, чем в барских помещениях. Да так и к хозяйству поближе.

Во дворе ротные возницы и денщики ковыряются с телегами, готовят их к сезону. По зимнему времени сани – это, конечно, хорошо. Но зима скоро кончится, и телеги должны быть

готовы к многомесячному ралли по грязевым дорогам. Не знаю, что они там делают, но явно что-то нужное и трудоемкое. Вон, все взопревшие, по земле разбросана свежая стружка, сильно пахнет дегтем.

Деготь – это такая местная смазка. Сначала я думал, что это просто сажа от березовых дров. Как бы логично предположить, что если деготь добывают углежог, значит, это сажа, да? Оказалось, что не все так просто. Местные – ребята домовитые и экономные, тупо сжигать ресурс – не в их правилах. Да и профессия углежог – это не то же самое, что истопник. Углежог здесь выполняют роль химкомбинатов из моего времени. В районе Пскова углежог из березы добывают березовый деготь, древесный уголь, канифоль, поташ, скипидар... Еще углежог поставляют бочками сосновую смолу и сосновый деготь, похуже сортом. Деготь используется как смазка, пропитка для деревянного бруса, клей и много чего еще. Из дегтя местные умельцы даже мыло делают. Универсальное сырье, в общем. По значимости – примерно как нефть в мое время. Основа основ, база местной экономики.

А я сначала думал, что это просто местные коптильни для рыбы так странно оборудуют. Еще обратил внимание – что-то уж очень большие коптильни делают. А оказалось, что это не коптильня, а яма углежог. И пахнет она одновременно и как железнодорожная станция, и как химкомбинат.

В общем, во дворе кипела работа. Обоз у нас большой, одних только ротных повозок почти два десятка, не считая офицерских. А со всех рот да плюс батальонные – уже серьезно так за сотню телег будет. В общем, возницам и мастеровым до весны времени впритык.

Обошел работающих сторонкой, вдоль стены дома, чтобы не мешать. Добрался до черного входа. Спросил стоящего в карауле солдата, указывая на дверь:

– У себя?

Тот кивнул:

– Мартин Карлович у себя. А этот, – неопределенный кивок вверх, – недавно отбыл куда-то. Наверное, теперь до утра не появится.

Этот. Ну да, «этот». Рота пока еще не решила, как относиться к назначенному командиру. Потому между собой мы его даже по имени стараемся не называть. Нет какого-то понимания, кто он: капитан, господин Нелидов, Алексей Андреевич, Алешка, Андрейч или еще как. Так что пока он у нас – «этот».

Потянул на себя дверь, вошел в тесные сени. Пару раз шумно топнул, отряхнул от снега башмаки и штиблеты. Открыл следующую дверь. Приветственно махнул рукой солдатам, что сидели за столами в просторном зале, и пошел прямо, к комнате Нироннена.

Двери у комнатки нет. Это как бы приемная. Есть большой стол, деревянное кресло для господина поручика, колченогий табурет и несколько длинных скамей вдоль стен для всех остальных.

Постучал согнутым пальцем по дверному косяку. – Разрешите?

Поручик Нироннен и его неизменный спутник ундер-офицер Фомин занимались своим любимым делом – пили чай. Все никак не привыкну, что чай здесь не рассыпчатый листовой, к которому я привык дома, а плиточный. Спрессованные плитки чая привозят не морем из Англии, а напрямиком с китайских ярмарок через всю Сибирь. И фунт чая здесь не объемистый пакет байхового листового, а лишь несколько пачек плотно спрессованных плиток. А еще так очень удобно рассчитывать порцию. Делов-то – одна плитка на заварочный чайник.

Фомин заметил, как я пялюсь на чайник, налил в пиалу – настоящую фарфоровую, а не глиняные кружки, какие в ходу в здешних кухмистерских, – бросил вопросительный взгляд на Нироннена, дождался его одобрителного кивка и сказал:

– Проходи, садись. На вот, согрейся.

А я и правда замерз, надо же. Хотя на улице был всего ничего. Сколечко тут идти-то от моего дома до ротной управы! Да уж, поскорей бы пошили форменные кафтаны моим. А то

околеют в драных армячках-то! Мне простудные заболевания в капральстве не нужны. Грипп и ангина здесь – серьезные болезни. Не говоря уж о смертельно опасном воспалении легких.

Стянул с рук перчатки, сел. Пиала приятно согрела руки.

Любят они с Фоминым вот так вот. Вызвать и молчать некоторое время. То ли для солидности, то ли у них мысли медленно прогружаются. По доброй традиции перед тем, как дать мне задание, ради которого они меня и вызвали, сначала за что-нибудь сделают нагоняй, к гадалке не ходи.

И точно. Нироннен кивнул Фомину, и тот начал:

– А скажи-ка нам, капрал Серов! Что у тебя там с солдатом случилось, что он в лазарет попал?

– С лестницы упал, – ответил я не моргнув глазом.

– Ага, с лестницы, значит. – Фомин не улыбается. Лицо серьезное, как у каменного истукана. – А второй, который из новеньких. Он тоже того, с лестницы?

– Точно так, господин ундер-офицер. С лестницы. Фомин посмотрел на Нироннена и хмыкнул:

– А что у него отметина такая на щеке, будто его укусил кто?

Я пожал плечами:

– Случайность. Так-то он когда падал – умудрился лицом по перилам прокатиться, вот заноз и нахватался. Выковыривали потом весь вечер. Крыльцо какой-то криворукый плотник сколачивал. Велел ошкурить, чтоб гладенько было.

– Вот как, значит. Занозы. И так ровненько, полукругом... Ну ладно, допустим. И долго еще у тебя солдаты будут с лестницы падать?

– Не могу знать. Приказал лед весь отбить, крыльцо и прилегающие к квартирам дорожки посыпать песком. Но зима длинная, мало ли что еще приключиться может. Вот если бы интендантские службы поскорее кафтаны моим новичкам построили, то я бы мог экзерцировать сразу обоими дюжинами. Тогда и навыка хождения по скользкому у солдат станет больше. Глядишь – и падать перестанут.

Поручик Нироннен улыбнулся своими тонкими губами и хлопнул ладонью по столу.

– С солдатом вроде разобрались. Так, Александр Степанович? – Фомин усмехнулся и согласно кивнул. Нироннен продолжил: – Теперь к делу. Ты солдата Кривича когда с излечения собрался забирать?

Я развел руками:

– Ерему-то? Так говорят, он уже поправился. Можно хоть сейчас. Я уже поднимал этот вопрос. Вон, у Александра Степановича спросите. Мы на посиделках, там, у этого каличного обсуждали, как это вообще принято делать.

Нироннен кивнул и продолжил:

– Понятно. Смотри, какая ситуация складывается, Жора. Ты у нас парень простодушный, потому я тебе прямо скажу, как есть, без всяких там этих. В общем, Архипом и его «обществом» сейчас сильно недовольны. Денег они собрали сумму немалую, а отдачи с того – шиш да маленько. По традиции, знаешь ли, «общество» собирает деньги как раз для того, чтобы ухаживать за ранеными и увечными солдатами. Во время войны, к примеру, так было и у нас там, и здесь тоже. А тут сейчас что? – Нироннен недовольно поморщился. – Люди Архипа говорят – мол, раз господин майор Стродс солдата Кривича на лечение в Печорский монастырь определил – пусть он с этим и разбирается. Мы, мол, тут ни при чем. Или вот твой этот солдат. Там ему лекарь мазь назначил от вывихов. Говорит, плечо помазать недельку и будет здоров. Так Архиповы молодцы отвечают: это, мол, не боевое какое ранение, в бою во славу государыни полученное, а обыденное. Потому, мол, пусть мазь покупает артель этого солдата.

Я удивленно вскинул брови. Не сказать, что я был действительно удивлен. К Архипу у меня с первой встречи было некоторое предубеждение. Уж очень такие замашки у мужика... цыганские, что ли? Обозначаю свою позицию вслух:

– Нормально так мужики коммерцией занялись! А не жирно им будет, Мартин Карлович? У нас в полку четыре сотни сироток раздетых, а эти... Небось, перед самым выступлением полка спишется по увечью и исчезнет со всей кассой. Может, он уже с дружкой-то своим договорился кабачок открыть или еще что!

Фомин поморщился. Нироннен бросил на него взгляд, повернулся снова ко мне и продолжил:

– Ну, такими-то словами ты попусту не бросайся! Это пока еще только твои предположения. Но то, что «общество» в эту зимовку занимается мироедством, а не помощью – это не один я заметил, знаешь ли. Так вот слушай дальше. Полковнику нашему, Вильгельму Францевичу, вчера знакомец твой, Петр Петрович Черкасский, сообщил список людей, которых бы желал произвести в офицеры. А Генрих Филиппович Стродс, квартирмейстер наш, уведомил, кого на освобожденные места «общество» хочет видеть ундер-офицерами. Полковник уже тогда был на взводе, а от заявления Генриха Филипповича и вовсе взорвался.

– Генрих Филиппович так-то большой дипломат, – удивился я. – И чтобы он вот так запросто сказал полковнику, что какой-то солдат уже решил, кому в его полку быть капралом?

– Верно мыслишь, Жора. Мне тоже думается, что господин секунд-майор не случайно использовал подобные грубые оговорки. Я так думаю, что наш квартирмейстер решил под шумок реформации полка всю эту солдатскую вольницу за мошну потрясти. А то и вовсе под свою руку принять.

Пожимаю плечами:

– Не очень понимаю, при чем здесь я.

– Да так-то ни при чем. Просто в курс дела ввожу, что да как, – Мартин Карлович посмотрел на меня в упор своими синими глазами: – Возьмешь шестак солдат и сегодня же выдвнешься в Печоры, сопровождать нашего ротного каптенармуса. Он там с монастырскими торгуется кое-чем, а ты нашего солдата, Кривича, с собой заберешь. Ну и заодно посмотри, может, беглых солдат по деревням где поймает. Приказ вышел, ежели беглый солдат попадется – то сдавать такого на гарнизонную службу. А взамен нам с гарнизона обещают перевести других, один за одного. Лучших солдат обещают. Ну это уж как водится.

– А много их, беглых-то?

Нироннен пожимает плечами. Вместо него отвечает Фомин:

– На удивление мало, Жора. В иные зимы и поболее бывало. А так – у нас в полку вообще ни одного. В Лифляндии, говорят, со всей армии около сотни недосчитались. Да и то неясно, беглые ли или просто фуражные команды в зимнем лесу сгинули. Разве что Киевский кирасирский... Но про них пока только слухи всякие и ничего толком.

Нироннен встал из-за стола, парой движений отряхнул штаны, взял со стола свернутую в рулончик цыдулку и протянул мне:

– Собирайся. В полдень тебе надо выступить, чтобы успеть до станции затемно добраться. Каптенармуса, ундер-офицера Рожина, вместе с санями встретишь у Смердьей башни. Они сейчас там как раз грузятся. И это... Покумекай с Ефимом да вон, с Александром Степановичем. Пока господин полковник шуметь будет да с вольницей бороться – не надо вам у Архипова дружка столоваться. Найдите себе другое место для вечерних посиделок. Например, на немецком берегу где-нибудь. Мало ли кухмистерских во Пскове?

* * *

Уже через четверть часа я снова был в своем капральстве. В комнате сильно пахло перегаром. Семен Петрович и Белкин спали вповалку на нарах беспокойным пьяным сном. И когда только успели? Я же отсутствовал немногим больше часа!

И ведь Белкин наверняка же, скотина такая, формуляры не заполнил! Ну вот и появился легальный повод всыпать ему палок. Ну-ка!

Подошел к столу, посмотрел на сохнувшие листы бумаги, прижатые по углам камешками.

Ведомость была только одна: вещей, что положено по штату. Формуляра с недостающими вещами не было. А на скамейке у стены стояли аккуратные берестяные коробейки, наполненные пуговицами разных размеров и пряжками. Рядом лежали несколько туго свернутых рулонов зеленого и красного сукна.

Заглянул в соседнюю комнату. Ну точно. Вон под столом стоит пустой квадратный штоф водки. Видимо, эти двое всю бутылку и уговорили. Степан-то вон, во дворе все капральство экзерцициями мучает.

М-да. Формально получается, не за что мне Белкина пороть. Задание он выполнил, бумагу заполнил. А вот откуда... Что, я ему еще теперь и спасибо говорить должен? Не дождется. Палок не всыплю – вот и вся награда.

Не знаю, чего меня так зло разобрало? Ладно, надо забрать со двора шестак ребят, собраться и выступать.

Глава 3

Люди каптенармуса Рожина грузили несколько саней различным скарбом, а белый то ли от мороза, то ли от злости секунд-майор Стродс импульсивно тыкал стеклом по желтоватому листку в своей планшетке и что-то выговаривал тучному каптенармусу. Когда я подошел, Стродс жестом отослал Рожина к саням и махнул стеклом в мою сторону:

– Эй, капрал! Подойди-ка сюда!

Я кивнул шедшему за мной шестаку, отправляя их на помощь возчикам, подошел к господину майору и вытянулся во фрунт.

– Отойдем-ка, не будем людям мешать, – Стродс сделал несколько шагов к стене башни и повернулся ко мне, – Помнишь, сколько отсюда до Печор?

Я пожал плечами.

– По осени за день добирались. Но то на телегах. На санях, я думаю, побыстрее выйдет.

– Верно. То есть запас по времени у тебя есть. Значит, слушай, что надо сделать. – Стродс выдохнул сквозь зубы, выпуская облачко пара, и понизил голос: – Ну, во-первых, вот, возьми этот конверт. Если Рожин с монастырем нормально расторгнется – попробуешь эти векселя у церковников сменять на монету. Один, без Рожина. Он по другой части, с другими людьми меняться будет. А во-вторых... Будешь заглядывать по пути в деревеньки да усадьбы. Посмотришь, есть ли у кого отставшие от конных полков на излечении. Если излечились – сможешь добраться сюда, во Псков. Также будет хорошо, если словишь сколько-нибудь беглых. Хотя бы пяток наберешь – отлично. В Печорах сменяешь на тамошних ландмилиционеров. Вот тебе список с рескрипта, по которому беглые направляются в гарнизонные роты и в ландмилицию. Оно понятно, что речь-то в рескрипте о беглых крестьянах, но тут, как видишь, его сиятельство не уточнял. Так что ты дураком прикинься да права качай. Это ясно?

Неясно, конечно, но...

– Так точно!

Стродс недовольно поморщился.

– Если получится наловить беглых, то ландмилиционеров у церковников бери таких, знаешь... злых. Которым там тесно, которые копытом землю роют. Их таких легко найти, в зимнее время их все время наказанными держат. Ясно? Так, теперь дальше. Возьми с собой бумагу, да в пути пометки делай. Какая дорога, постоянные дворы, где какие мосты, деревеньки, где материалы да фураж в дорогу брать. Когда полк выдвинется, рота господина Нелидова головной пойдет. Стало быть, для себя дорогу разведываешь. Потом Нироннену это все покажешь, он тебя научит, как правильно маршевые листы составлять. Это понятно?

Ну... понятно, наверное. Делаю уверенный кивок. Парадный, касаясь подбородком шейного платка. Стродс пристально посмотрел мне в глаза и продолжил:

– Хорошо. Записывай все внимательно, бумаги не жалея. Сам понимаешь, если наш полк на марше развалится, как Киевский кирасирский на Рождество – мало никому не покажется. Нам подарили лучшую зимовку во всей армии, и явиться в армию полк должен таким, чтобы не было стыдно перед генералом Лопухиным. Василий Абрамович должен видеть, что не зря для нас старался. Вот, держи, – Стродс вытащил из поясной сумки лист, быстро свернул его в трубочку и ловко перехватил бечевою, – это тебе напоминание, что следует в пути примечать. Внимательно изучи и делай все, как тут написано. Вопросы?

– Это ж сколько времени уйдет, ваше благородие! За день могу не обернуться!

Стродс тонко улыбнулся и сказал:

– А вот в этом и состоит твоя главная задача, Серов. Выходите сегодня, тотчас же, и во Пскове тебя не должно быть самое меньше три дня. Три дня, капрал! А лучше даже и все четыре. Это понятно?

Не понял. А это зачем? Ладно, потом разберемся. Вытягиваюсь и киваю:

– Так точно!

Стродс посмотрел куда-то поверх моей головы. Спросил вкрадчиво:

– Скажи-ка, Серов, не случилось ли последнее время что-нибудь необычное по части снабжения?

Я пожал плечами.

– Вроде с мундирами для сироток дело сдвинулось с мертвой точки. Вот, буквально полчаса назад материалы на мундиры появились. Проверить не успел, но вроде бы выдали все, что выписывал.

Стродс кивнул.

– Очень хорошо. Три дня, Серов. Думаю, мне этого хватит. Вопросы есть?

Да он надоел одно и то же спрашивать. Волнуется, что ли? Вряд ли. Наверное, просто подготовил какую-то умную начальственную шутку и хочет ее ввернуть в поучительных целях. Ну ладно, мне не жалко. Коли так хочешь – шути, начальник.

– Так точно, есть! – И глаза немного выкатить, чтобы поглупее выглядеть.

Ага, я угадал. Стродс удовлетворенно хмыкнул, хлопнул стеклом по перчатке и язвительно произнес:

– Это хорошо, что вопросы есть. Порасспросишь елки по пути. И им не скучно, и тебе полезно.

Ну да, ну да. Ты начальник, я дурак, что ж непонятного-то? Субординация!

* * *

Снег скрипел под полозьями саней. Пыхтела крупная мохнатая лошадка – близкий родственник чуда отечественного автопрома, воронежского битюга. По словам возницы, эти самые битюги – чудо, а не лошади. Породу выводят специально для нужд армии повелением графа Шувалова, и, по слухам, через пару-тройку лет они придут в войска. И вот тогда у всех интендантских служб наступит райское житье. Если судить по словам возницы, эти будущие кони могут такое, что решат все проблемы с доставкой грузов. Они и в холод, и в жару, и в грязи хороши. Ну прямо как КамАЗы в мое время. Хорошо, если так. По правде говоря, я в тонкостях извоза и коневодства не силен. Хотя для себя подметил: это, пожалуй, первый случай, когда при мне про графа Шувалова было сказано что-то хорошее.

Я сидел, закутавшись в шерстяное одеяло, и делал карандашом заметки на листе. Все, как написано в предоставленной мне шпаргалке. Интересный такой документ. Явно переписан десяток раз с других списков, с кучей орфографических ошибок, к которым я уже привык, но весьма полезное чтиво.

«Инструкция офицерам, отправляющимся для разведки. 2 сентября 1756 года».

Хорошая инструкция. Подробно, прямо по пунктам расписано, на что мне следует обратить внимание. Например, вот такое: «Дорога какой ширины и около оной какой лес, по сухим ли местам и равным ли положением продолжаетца, или какие горы, болота, реки и озера есть, через которые переправы не могут ли быть трудны и чем именно – описывать. При дорогах тех, не упуская ни одной, какие есть речки или озера, так же везде ль есть луга, сколь возможно от места до места, описывать так же». Или вот: «какая дистанция от места до места, и дорога пряма или где кривизна есть, все то аккуратно записывать».

Мне и правда по этому шаблону достаточно просто стало делать заметки. И даже появилось примерное понимание, что за маршевый лист надо будет потом составить господам офицерам. Но, честно говоря, я думал, что разведка – это когда крутой brutальный мужик, в камуфляже и раскрашенный под Рэмбо, с одним ножом, а его противники гибнут тысячами... Ну или там «языка» взять в эсэсовской форме, или там как Штирлиц, чемодан с документами по

радио передать. Как-то не вязалось у меня в голове, что разведка – это «дорога пряма или где кривизна есть». Вроде же все эти вещи у них, у командиров, на карте должны быть записаны. Хотя... карта – она там, в штабе. А телеги толкать по тракту – это именно нам, своими руками. Так что пиши, Жора, пиши. Пригодится.

По зимнему времени через реку Великая псковичи оборудовали ледовую переправу. Прямо на лед уложили доски, сверху присыпали снегом для саней. Несколько раз в день работники переправы подбрасывали и утрамбовывали снег.

Трафик зимой очень большой. Поток саней с грузами в город и из города не замирал. Иногда даже случались самые настоящие пробки. Грузеных саней было множество по всей дороге на Ригу и даже в сторону Печор. Сани везли все то, что никак нельзя было довести летом на телегах. Телега – она что? И сама деревянная, и оси у нее деревянные, и ступицы даже если медью обить – все равно большой нагрузки не выдержат. Не та смазка, не те материалы. Скромненькие маленькие пушчонки, которые здесь гордо именуют словом «артиллерия», ни в какое сравнение не идут с той техникой, которая ходила по Дворцовой площади на параде в мое время. И то, как вспомню, сколько поломок случалось у пушкарей за время марша к Риге, – так сразу радуюсь, что мне повезло не попасть в артиллерию. А что делать с такими гражданскими грузами, как камень, бревна, железо? Летом их возить можно только малыми порциями, по полтонны на телегу. А что такое полтонны? Пара скромных камешков или три-четыре нормальных бревна.

Потому все промышленные грузы возят летом, баржами по рекам. А зимой уже сани развозят все это богатство потребителю. Снег здесь служит вместо железной дороги. Да и с рабочей силой у купцов проблем нет. Зимой деревня может выделить больше рабочих рук на погрузочные работы. Летом-то у них в нашей зоне рискованного земледелия каждый день на счету, заберешь не вовремя артель мужиков на работы – и тогда деревня опоздает с посевной, уборочной или еще с чем. Не понимаю в сельском хозяйстве, но мужики мне как-то пытались на пальцах объяснить, что лето у крестьян все по дням расписано, что и когда делать, в зависимости от погоды и народных примет. Малейший сбой в этой программе – и все, проблемы с зимовкой деревне обеспечены. Может даже и вовсе от голода вымереть. Ну, насчет того, что вымрет – это, наверное, мужики специально нагоняют жути в мои барчуковские уши, но так или иначе летом крестьян без надобности из деревень не тягают.

Да и тот же рекрутский набор и тот стараются делать зимой.

Вот и получается, что экономическая жизнь зимой кипит и бурлит. И, казалось бы, воевать тоже неплохо бы зимой. Ведь зима решает все проблемы логистики, ведь так?

Подобным образом, наверное, рассуждал граф Шувалов, когда отдал приказ кавалерии вести войну против пруссаков малыми группами. В ноябре, помню, через Псков проходил Киевский кирасирский полк. Постоял пару недель, привел в порядок амуницию своих чахлах лошадок, оставил зимовать два эскадрона безлошадных кирасиров и горстку нестроевых, сгрузил ненужный хлам из обоза на арендованный в городе склад и отправился воевать. В январе, говорят, они уже были в королевстве Польша.

До Восточной Пруссии кирасиры так и не добрались. По крайней мере, если бы у них были успешные боестолкновения с пруссаками – вряд ли бы они стали об этом молчать. Все эти обмороженные, изможденные люди обязательно бы рассказали пару-тройку баек о том, как они героически сражались, пока мы тут прохлаждались, крысы тыловые... но нет. Молчат. Разве что иногда сквозь зубы ругают старого начальника, скорострительно убежавшего в чиновники, и нового, молодого генерала Румянцева. Которому по возрасту эскадронам бы командовать, а поди ж ты – генерал над целыми четырьмя кавалерийскими полками! В итоге молодой генерал так наруководил «малыми группами» конницы, что... впрочем, это уже не мое дело. Кто я такой, чтобы злорадствовать над трудностями ребят из других полков, когда сам-то еще толком в деле не был.

В общем, попытка вести войну зимой по какой-то причине вышла неудачной. Надо бы расспросить, узнать подробности. Потому как я почти уверен, что наш полк выйдет из Пскова еще по снегу, пока не разобрали переправы. По доскам-то телеги и сани пройдут, а когда лед станет слаб – придется ждать месяц, пока река успокоится и будет пригодна для наведения наплавного моста. Новый командир полка на такое длительное ожидание не пойдет.

Потому что наш полк сейчас лихорадит, и «новой метле» требуется крепко взять власть в свои руки.

Взять в свои руки. Казалось бы – полковник он же и есть власть, чего ему брать-то?

Ага. Если бы все было так просто. Вот что такое власть? Не, ну понятно, когда власть в общем смысле. Некая абстрактная. Ну там – король сидит на троне в столице и управляет, ага.

А управляет – это как? Взять наш полк, к примеру. Кто в нем власть? Теоретически – это, конечно, господин полковник, его офицеры, ундера, капралы... Вертикаль власти, так сказать. Сверху вниз по цепочке идет приказ, снизу вверх обратно идет отчет. Колесики крутятся, система работает, армия непобедима, легендарна и так далее. Вся суть этой самой системы в том, что власть делегируется. Не будет же полковник лично командовать каждому солдату, как это пытался делать кавалерийский генерал Румянцев. А как? Ну, в том смысле – как они определяют предел доверия, кому сколько власти можно отвалить? И как определить момент, когда власти у тебя много, а когда ее и вовсе никакой нет?

Когда мы находимся в квартирах – ну то есть стоим в поселении, – то каждый командир капральства обязан знать, где находятся его солдаты. Ведет поименный список, ставит пометки – этот солдат там-то, этот вот тут... Солдат обязан испрашивать разрешения на каждое свое перемещение. Или – если оно из разряда само собой разумеющихся вещей – просто уведомлять старшего. Пошел за водой – уведомил. Пошел за дровами – уведомил. Это въедается в привычку настолько, что встать из-за стола, гулко рыгнуть и громогласно объявить: «Ну, пойду до ветра прогуляюсь!» или даже как-нибудь более грубо – это не какая-то пошлая шуточка школоты, мол, приятного аппетита, ага. Крестьянин-отец за такое крестьянину-сыну тут же ложкой в лоб зарядил бы, наверное. Мол, соображай, всякому слову свое место, не к столу такое говорить. А для солдата же в порядке вещей. Пойти куда-то – пусть даже в свое свободное время – и не уведомить коллектив, это что-то ненормальное. Ненормальное настолько, что, если кто-то молча встал и пошел – на него сразу оборачиваются все присутствующие. Ты куда, мол? Да и вообще. Солдаты линейных войск поодиночке не ходят. Как-то это все быстро въедается в рефлекс. Даже до ветру ходят «за компанию». Один встал из-за стола «до ветру» – и остальным тут же приспичило.

Так-то, конечно, это все хорошо. Дисциплина, да к тому же непрерывная разведка. Полк тысячами глаз смотрит вокруг себя и контролирует обстановку.

Но это же несвобода, верно? Это же как-то связано с властью? Вот встал солдат молча из-за стола и пошел – кто первый его окликнет, мол, ты куда? Тот, у кого есть власть спросить. Некто старший. Я поначалу – год назад – от таких вещей дистанцировался. Еще нос презрительно морщил. Вот вы стадо, мол. Рабы, фу! А я ж не такой, я ж уникальный и неповторимый. И не понимал, за что меня Ефим в лоб бьет. А он, в свою очередь, не понимал, как можно не ударить. Это же основополагающий вопрос. Встал солдат и пошел. Да еще и один. Куда?

Вопрос каждому встречному-поперечному – мол, ты куда это? – это вопрос контроля территории. Ну вот как собака столбы метит, так и прохожих окликают. Гришка, ты куда топаешь? К себе топаю, Федька. А, ну ладно. Солдаты такие вопросы задают не потому, что «это моя улица, я тут живу», а просто потому, что привыкли так. Все обо всем должны докладывать – и точка.

Но ведь квартируют солдаты по всему городу. Где-то в один дом много солдат заселилось, целое капральство. Там все просто. Вот капрал, вот его люди, вопросов о старшинстве и делегировании полномочий не возникает, все строго по артикулу. А ведь есть и такое, когда в

дом берут на постой шестак, а то и вовсе тройку солдат. И полномочия делегируются дальше. Назначается старший, который раз в день докладывает капралу, кто, где, куда, зачем.

Вот тройка солдат живет у вдовы Авдотьи. Старший там – прям ни дать ни взять Прошка-генерал! Строгий, суровый, распоряжается парой своих бойцов. Он – ответственное лицо. Он здесь власть.

Помню, летом, когда меня первый раз назначили старшим над шестаком – я все вертел головой, пытался «контролировать обстановку», вел себя, как наседка с цыплятами. Гиперопека, все дела. Смех, да и только.

Сейчас все гораздо проще. Солдат идет мимо – я просто на него смотрю, еще даже ничего не спрашиваю, – а он уже отвечает. Мол, за дровами. За водой. К Петровичу на работы. Или вдруг споткнется солдат о мой взгляд, глаза к полу опустит, вздохнет, развернется и пойдет обратно, откуда шел. Не знаю, куда он изначально собирался, и мне это даже не интересно, но надо немедленно наказать. Хотя бы капральской тростью погрозить. А то ж пока не накажешь – солдат так и будет совестью мучиться. Станет ходить, поджав хвост, и втягивать голову в плечи в ожидании расправы. Страдать станет от того, что на него капрал злобу затаил.

И вот интересно получается. Везде контроль, постоянно докладываешь о том, где ты и что ты. Вроде бы подчиненный через всю цепочку всем семерым дивизионным генералам, а через них – матушке-императрице. И палками солдат наказывают, и если кто сбежит из солдат – наказание жуткое следует и бег лому, и той артели, откуда он сбежал. Но при этом могут отправить нижнего чина в командировку за тридевять земель – и ничего. Вон, тот же ундер-офицер Фомин из Луги ходил в Кексгольм за рекрутами. Считай, почти на месяц из полка отлучался. Один, без офицеров, сам был за старшего. И командой рекрутов управлял. А если кто из рекрутов заболит – такому выписывал цыдульку да разрешал самостоятельно в полк добираться по выздоровлению. И ведь что интересно – добирались же рекруты! Не все, конечно, и не сразу, но ведь добирались! Ну то есть, когда идет команда рекрутов – так они все под охраной, под неусыпным и бдительным контролем. И при этом отстающие могут идти сами, своим ходом, ничего страшного.

Вот как они определяют, кому можно, а кому нельзя?

Взять тех же крестьян. Так-то вроде они крепостные, с ограничениями и все такое прочее. И это никак не мешает им кататься на груженных тяжелым грузом санях по своим делам. Спокойно ездят из далекой деревни в город Псков и обратно. Я сначала думал: ничего себе, сколько здесь купцов! Оказалось, что купцов-то здесь куда как меньше, чем катаются саней с грузом. Тут, чтобы записаться в купеческое сословие, нужна особая процедура. Купцы – это «регулярные граждане», туда так запросто не попасть. Есть всякие непонятные гильдии, цеха, есть «торгующие крестьяне». А есть еще крестьяне обычные. Которые вот так запросто катаются, возят и торгуют. Причем не как бабульки у метро, горсточками, а вполне себе значимыми объемами. Двое, трое, пятеро саней с грузом. Бочки, мешки, тюки, камни, бревна...

А как же правила, согласно которым люди не купеческого звания могут торговать лишь предметами «по описи»? А как же крепостничество и прочее? Почему тут все вот так? Потому что так надо, вот почему. Если все делать по написанному, да на каждый чих разрешения спрашивать – все дела встанут. Деревня голодать будет, барин денег недополучит, в итоге всем плохо. А так – барин смотрит сквозь пальцы, солдаты Ефима на въезде в город относятся с пониманием, дела делаются, а в случае чего есть кого наказать. Вон, мол, кто виноват. Своевольничает, ну-ка тащите его на конюшню да плетей ему!

Примерно так получилось и с Архипом.

После войны со шведами пятнадцать лет назад полк надолго осел в одном регионе. Все летние полевые выходы в лагерь, все зимние квартиры происходили недалеко от одного города. Оно и понятно, почему. Земля только-только вошла в состав России, надо и местных чухонцев подводить под руку матушки-императрицы, и переселенцев охранять от различного лихого

люда, да мало ли хлопот? Потому и офицеры были заняты делами как с местными, так и с понаехавшими помещиками да купцами, и солдаты носились по району с заданиями. Когда ротой, когда командой в пару капральств, а иной раз и вовсе шестками. У офицеров свои хлопоты – шутка ли, столько новых дворянских угодий враз появилось! И везде надо обустроить хозяйство, производство, торговлю. И для других, и для государства, ну и для себя немножко. Солдаты не отставали, и особо смысленные и непоседливые тоже нет-нет да и делали свой маленький гешефт.

И так пятнадцать лет подряд. Полковое «общество» – оно ведь такое же неформальное объединение, как крестьянин с подводой дегтя, что приехал в Псков расторговаться. Вроде бы и нужное дело, а вроде бы как бы и нельзя. По идее «общества», какими они сформировались при императоре Петре Великом, должны были заниматься тем, что впоследствии назовут «социальное обеспечение». Уход за ранеными, помощь немощным... сплошная благотворительность. Но потихоньку, помаленьку, гешефтик за гешефтиком, плюс никаких особо походов за тридевять земель. Некоторые солдаты уже и семьями обрастать начали. А значит, у них стали появляться интересы и потребности за пределами полка. Плюс каждую зиму солдат и офицеров дворянского сословия отправляли в отпуск на два-три месяца. Короче говоря, теневая экономика полка сформировалась, окрепла и обросла неформальными связями. И не только по горизонтали, от солдата к солдату, но и по вертикали, пустив корни к командирам рот и батальонов.

Полковника Макшеева такое положение дел вполне устраивало. Тем более что оно в основном его стараниями и было создано. За эти годы он стал больше гражданским бизнесменом в Кексгольме, нежели военным начальником. И наверняка так или иначе получал долю с оборотов «общества», которое благодаря харизматичному и деятельному солдату Архипу превратилось в нечто большее, чем родительский комитет при школьном классе. Архип в полку потихоньку стал как дон Корлеоне. Пусть хуторского масштаба, но все же.

И все бы ничего, но к хорошему быстро привыкаешь. Вот и Архип привык. Забронзовел.

А тут здарсьте вам, какая вдруг незадача приключилась. Война. И ладно бы тут, на шведской границе, так ведь нет. Собирайтесь в поход в далекую сторону, служивые.

Полковник Макшеев сразу же запросился на гражданскую службу – и получил ее. А Архип радостно потирал руки. Ведь теперь-то можно развернуться во всю ширь! Война! Это же окно возможностей для человека, у которого есть связи, деньги и обученный персонал!

Так, о чем это я? А, ну да. Это я о власти.

В общем, в один прекрасный день только что назначенного командира полка, полковника Вильгельма Лебеля поставили перед фактом: все назначения в полку – платные, и согласовывать их надо со вполне определенными людьми. И ладно, когда это говорит сын губернатора Новгорода, княжич Черкасский. И говорит со всем политесом, показывая, что он не столько уведомляет, сколько хлопочет. Но вот когда подобные вещи полковнику заявляет денщик, помогающий с утра облачиться в мундир...

Полковник был в бешенстве. Полковник рвал и метал. Полковник порывался кого-нибудь убить, растерзать, четвертовать, запороть до смерти на конюшне. Но... человек он в полку новый, солдаты его не знают. А если вдруг полк плохо себя покажет? И станет должность командира полка для амбициозного выпускника Сухопутного кадетского корпуса не трамплином в генералы, а крахом его карьеры. А там и в Шлиссельбург можно угодить, да не в ссылку, опальным помещиком, а в саму крепость...

А потом к нему на чашку чая заглянул сухощавый казначей полка, квартирмейстер секунд-майор Генрих Филиппович Стродс.

Так полковник узнал, что в полку, вообще-то, кроме стандартных больных, простуженных и травмированных при работах, есть еще и один настоящий раненый солдат. Который в самом настоящем бою был ранен самой настоящей пулей. То есть болезнь у него очень даже

солдатская. Страховой случай, как бы сказали в мое время. И находится этот самый солдат пусть и недалеко, но все же в другом городе. И за все время, прошедшее с сентября, когда мой Ерема схлопотал пулю в ногу, люди Архипа палец о палец не ударили, чтобы оказать ему, раненому солдату, какое-нибудь вспоможение. А ведь старшие артелей и нижние чины заносят свою долю в кассу под предлогом именно такой вот военной взаимопомощи.

Архип – он ведь тоже не дурак, понял, откуда ветер дует. Ерема – мой солдат. Тот бой случился в присутствии майора Стродса. А еще Архип прекрасно помнит, что мои капральские галуны произошли по рекомендации сразу нескольких больших людей. Поэтому он взял пару бутылок на проставу, собрал по каким-то своим каналам хабар для мундиров, которые я неделями выпрашивал в канцелярии, и пошел ко мне. Решать вопросы, так сказать. А он мужик обаятельный, с харизмой и подвешенным языком. Что бы он там себе ни задумал – наверняка бы смог меня на это что-то уговорить. Но совершенно случайно он со мной разминулся.

Случайно ли? Псков – он ведь город тесный. Ведь когда Архип собирал короба с хабаром, он наверняка был уверен, что я у себя. Но... именно в этот момент меня вызывали к Нироннену. И не по стандартной процедуре – через солдата, стоящего в управлении вестовым от капральства, а через Федьку. Который не только денщик Нироннена, но еще и у каптенармусов на побегушках, и вообще такой, слуга всех господ с ветром в голове.

В общем, я еду в Печоры, забирать своего излечившегося солдата. С настоящей рекомендацией по пути вляпаться в какое-нибудь приключение, совершить подвиг, сделать разведку... В общем, потеряться под благовидным предлогом. А за моей спиной остается вставший на уши полк, где интриганы всех мастей дерутся за власть.

И вот они там дерутся за власть, а я в командировке. И все бы хорошо, но... мне следовало сделать втык Белкину за то, что напился не вечером, в свободное время, а посередине дня. Да еще и с посторонним, не из нашего капральства. А я сразу не сделал, отложил на вечер. Теперь вот вернусь дня через три-четыре. И все это время власть в капральстве будет у другого человека. Хорошо если капральством будет рулить Ефим. Он все-таки сержант. А если у Ефима не будет времени и командовать станет Семен Петрович, то по приезду мне придется устраивать массовые репрессии в своем капральстве и восстанавливать свою пошатнувшуюся из-за нечаянной поблажки власть.

И вроде бы глупость, да? Буря в стакане воды, страсти хуторские... Можно, конечно, обойтись без этой всей ерунды с дипломатией и интригами. Просто взять и устроить муштру по прусской системе, ломая о спины по десятку палок за неделю. Так проще и эффективней. Так делали в Шлиссельбургском полку.

Глава 4

– Хватит так зыркать на каждого мимохожего, Жора! – подначивает меня развалившийся в санях каптенармус Рожин. – Никаких разбойных людей ты сейчас не найдешь, и не надейся!

– Это почему вдруг? – спрашиваю. – На дороге народу много, все с грузом. Самое раздолье для грабительских набегов. Это ж сколько тут потенциальных жертв!

Рожин всхотнул поповым басом, сложил руки в варежках на своем объемном пузе и объяснил:

– Это кто ж тут жертва, скажи-ка? Не вон те ли, что деловой лес везут? Так у них и руки что твоя лодыжка, и топоры при себе. Или ты про тех громил, с кем час назад разминулись? Ну, которые бочки везли?

Ну да, как-то на таких мордоротов нападать как-то...

– Ага! Смекаешь? Вот то-то и оно. Ну и, опять же, время пока не то. Рановато еще для разбоя.

Я удивленно вскидываю бровь, и Рожин снисходительно поясняет:

– Ну, во-первых, сейчас все на виду. Снега видишь сколько? Случись какой разбой – ландмилиция тут как тут. Из Пскова ли, с Изборска, или еще откуда, но, считай, уже через день здесь появится крупный оружный отряд и варнаков начнут ловить. А по такому снегу ты следы никак не заметишь. Выследят в момент. Ну а во-вторых, мало еще тех, кто на разбой пойдет.

– В смысле – мало?

– Вот так вот – мало. Ты что, думаешь, разбойные люди – это будто бы войска, где варнаки пожизненную службу несут? Э, нет, братец. Те, которые убежденные разбойники – они в основном в городах живут. Там и люди побогаче, и жизнь поспокойнее, и в толпе затеряться можно. Здесь же все на виду. Ежели вдруг шайку обнаружат – куда ты зимой спрячешься?

– А откуда тогда берутся разбойники на дорогах? Или налеты на торговые обозы это редкость?

Рожин развел руками.

– Да нет, почему. Иногда случается. Только их время наступает весной, ближе к ледоходу. Сейчас-то в деревнях все на летних запасах живут. А те, у кого год не задался – даже у них пока амбары не опустели. Вот когда опустеют, когда голодать начнут – тогда такие шалопаи и начнут в шайки сбиваться да на дорогу выходить. Ну и еще смекай такой момент. Разбойники – они же тоже не дураки. Соображают, что если на обоз напасть по последнему снегу да по талому зимнику, перед самой распутицей, то когда до них доберется крупный оружный отряд? Все, баста! Жди, месяц, а то и больше. Пока ледоход переждут, пока половодье сойдет, пока дорога окрепнет... – каптенармус в задумчивости почесал рукавицей щетину на подбородке. – А нападать они будут, Жора, на таких же шалопаев, как они сами. Какой-нибудь купец не так посчитал, не успел за зиму расторговаться, как хотел, ну или жадный слишком, решил еще денюжку срубить, еще разок сани прогнать, пока снег весь не истаял... Опять же, последний снег много не выдержит, так что и караваны будут не как сейчас – в десяток тяжелых саней, а маленькие, по одному-два возочка, чтоб только дорога выдержала. Вот такие обычно разбойникам и попадают. Жадные или нерасторопные. Так что успокойся. И людей своих уйми, чтоб не тыкали ружьями во все стороны.

Никита, услышав слова Рожина, с готовностью отложил ружье в сторону и тут же получил по рукам моей капральской тростью.

– Ты на боевом выходе, Никита. Они вон, – кивнул в сторону возницы и Рожина, – рассчитывают, что ты всегда и ко всему готов. Усек?

Усек. Все, ружье снова под рукой. Ничего, пусть привыкает. Степан привык же. Сидит, вон, ловит солнечные зайчики стволом своего отполированного до блеска мушкета и вполне доволен жизнью.

Дорога непростая. Осенью-то я особо не обращал внимания. Чего там? Едем и едем. А сейчас, имея приказ делать разведку и тщательно записывать «дорога пряма или кривизна есть», начал подмечать разные мелочи.

Вот, например. У погоста Камно на холмах вдоль дороги располагалось множество ветряных мельниц. Целый агропромышленный комплекс, а не деревня. Я почему-то думал, что в каждой деревне есть своя мельница. А поди ж ты, оказывается, что не в каждой. Во многих деревнях мельниц нет вообще, а в Камно их чуть ли не десяток. И еще, говорят, летом на реке Каменке водяные мельницы запускают. Видимо, есть какие-то причины, по каким выгоднее везти свое зерно на помол в другое место, чем молоть самому. Интересно, почему так? Впрочем, то не мое дело. Мое дело – обратить внимание на то, что у этого самого погоста Камно дорога сильно сужается. Холмы по правую руку, болото по левую, все пространство между ними застроено жилыми домами, сараями, овинами, амбарами и иными сельскохозяйственными постройками. Да и не все ветряные мельницы занимаются только помолом. Некоторые используют ветряной привод для создания пилюрамы и распускают бревна на доски. А зима – самый сезон для заготовки древесины.

А это значит что? Это значит, что перед самым ледоходом движение повозок и саней здесь будет весьма даже плотное. Потому как наверняка разгильдяи решат на мельницы навеситься в последний момент, пока дорожная обстановка позволяет пользоваться санями и перевозить большие грузы. Что бы там ни говорил Рожин про разбойников и шалопаев, все равно надо рассчитывать на худшее. То есть на то, что сани здесь работать будут до последнего клочка снега на зимней дороге. И значит, будут всячески мешаться нам под ногами.

Это надо записать и даже нарисовать схему. А там уже пусть господа офицеры думают, как через это узкое место полк протащить.

А еще интересно, что все эти земли от Пскова и до самого Изборска назывались – Завелицкая засада. Я, собственно, потому свой шестак и привел в боевую готовность, когда услышал от Рожина это слово – засада. Но нет, засада – это не потому, что здесь в кустах притаились злобные злодеи. Засада, исада, посад – здесь это все синонимы слова «поселение». Вот собрались колонисты заселить и засадить всякими полезными культурами землю за рекой Великая, сели на землю своими поселками и хуторами – и назвали это все дело словом «засада». Засилье то есть. Вообще засад на псковской земле много. Если на торжище слушать беседы возниц из торговых и купеческих обозов – местный аналог дальнобойщиков, – то можно подумать будто находишься в партизанском крае. Заклинская засада, Бельская засада, Мелетовская засада... Бррр! Аж мурашки по коже. А им нормально. Где заселились – там и засада. А если селение на берегу реки находится, да еще и с рыбацкими помостками – то это уже называется словом «исада». В общем, темный я какой-то барчук, элементарных вещей не знаю. И чему только нас, городских, учат?

Ехали мы неспешно, останавливаясь в каждой придорожной деревеньке. Пообщаться, записать информацию насчет колодцев и водопоя для тяглогового скота, справиться о наличии больных солдат на постое, если таковые есть. А если есть – то проведать, пообщаться и записать на отдельном листе, кто таков и так далее.

Больные из Киевского кирасирского полка начали попадаться уже в Камно, всего лишь в часе езды от Пскова. Сколько их всего, больных-то? Говорят – много. Киевский полк, совершая в декабре – январе марш из Пскова в Якобштадт, оставил в придорожных местечках почти две сотни человек простуженными.

А почему так? Вроде же народная медицина, мудрость предков... мне в детстве говорили, что мудрые предки жили по тысяче лет и никакие болячки их не брали...

Ага. Как же.

Мне было девять лет, когда наша футбольная команда начала проводить тренировки не в зале, а на улице. Чемпионат города традиционно стартует в апреле, потому тренер готовил нас к старту всю зиму. И вполне нормально тренировались. На улице, под открытым небом. Снег, мороз, оттепель со слякотью – без разницы, тренировка состоится в любую погоду. Бывало, что занимались даже в густую метель. Так забавно, вроде поле было расчищено, а к концу полуторачасовой тренировки бегаем уже по щиколотку в снегу. Мяч по сугробам низом не передать, старались играть верхом. Даешь пас партнеру, он, смешно подпрыгивая на снегу, пытается его принять, а тот нырнул в сугроб – и с концами. Ходим потом всей толпой несколько минут, пинаем сугробы, ищем. Под конец тренировки гетры и термуха насквозь мокрые, с сосульками и наледью по внешней части, бутсы деревянные, заледеневшие, а мы – распаренные и довольные. За все зимние тренировки до моего семнадцатилетия – первые юноши, выпускной год – я не простужался ни разу. Нет, не потому что у меня железное здоровье или пил какие-нибудь волшебные таблетки. Все гораздо проще. Тренер намертво вбил нам в голову железное правило: во время тренировки не стоять, все только в движении. И самое главное: после тренировки бегом в раздевалку и сразу переодеться в сухое. Полностью.

Гетры, термо, футболка, перчатки, шапка, даже трусы – все под замену. Растереться сухим мохнатым полотенцем, одеться в сухое, нырнуть в теплую куртку – и тогда уже можно домой. На выходе из раздевалок стоит тренер и проверяет, чтобы все надевали шапку и перчатки. Кто жалуется, что ему жарко – тот весь ближайший матч будет остывать на скамейке.

Меня простуда не брала. Большинство моих товарищей тоже не простывали. А те, кого родители привозили на машине и так же на машине же забирали – вот у них бывали неприятности. Они думали, мол, чего время терять в раздевалке? Лучше быстро добежать до машины, а дома уже переоденутся. Угу. Вот такие умники, которые сэкономили четверть часа на переодевание – потом теряли по две недели из-за простуды. В машине размяк, мокрая одежда вытянула тепло, и все, готово. От машины до подъезда идет уже простуженный ребенок.

Сухая одежда зимой – это важно.

А что делать, если нет теплой раздевалки? И если с собой нет пушистого махрового полотенца? И, самое главное, что делать если профилактика простудных заболеваний существует только в форме «на все воля Божья»?

Вот идет по декабрьской метели конный полк. С телегами, санями, всяким обозом. Доходит до Камно с его холмами и оживленной хозяйственной деятельностью, и начинаются простои колонны. То тут телеги и сани пробку создадут, то там... А если еще после метели местные не успели вешки вдоль дороги выставить, то обязательно кто-нибудь особо хитрый вляпается в скрытую снежной шапкой ямку или овражек.

Не, ну так-то чего, обычная дорожная проблема. Возница спрыгивает с облучка, скидывает тулуп и начинает ликвидировать неприятность. Тут подцепил, там подтолкнул, здесь подкопал, раз-два, взяли! Уф! Готово, движется повозка. Ветер бросает в лицо снежинки, довольный возница утирает со лба трудовой пот... Утром его шквадрон двигается дальше, а он остается в деревне с диким кашлем и температурой. Хорошо еще если старший команды не забудет договориться с местным старостой по поводу кошта. А то ведь может и забыть, и живи потом как знаешь, солдатик.

Те, кто в Камно – к ним раз в неделю приезжали снабженцы их полка из Пскова. Благо ехать недалеко. Тем, кто остался чуть дальше, в Подграмье – уже слегка похуже. Там и местность не очень, и жилищные условия так себе. Основной промысел в этом городишке был связан с Грамским болотом. Не знаю, чего они там на болоте добывают, но выглядел поселок совсем не богато. А из пяти строевых кирасиров и двух нестроевых, которые остались тут на излечение месяц назад, двое поправились и с попутными обозами отправились дальше в сто-

рону Изборска, двое еще болели, а одного недавно похоронили, еще даже девяти дней не прошло. Простуда, воспаление легких, смерть. Обычное дело!

Записали их имена, взяли письмо, чтобы передать с какой-нибудь оказией в Якобштадт, покормили лошадей, едем дальше.

Снег, вешки, накатанная саними дорога, всхрапывание мохнатой лошадки, лист бумаги в планшетке, карандаш и бесконечные записи «дорога пряма или кривизна есть».

* * *

Когда человек болеет – он сразу становится проще и демократичнее. Спесь и гонор прячутся куда-то на задворки сознания, и даже совсем агрессивный и злой человек становится покладистым и миролюбивым. Нет, настроение у больного плохое, как же без этого. Он ворчлив, он вечно всем недоволен, ему все не так и все не эдак. Но при этом если вчера он мог запросто протянуть крестьянина плетью лишь за то, что тот помешал его коню проехать, то сегодня он – «братец, подай водицы, будь любезен!» Больной человек не ищет конфликта. Он ищет участия и сострадания.

Кавалерия – элитный род войск, вроде десантуры из моего времени. А кирасиры – они даже среди кавалерии элитой считаются. В иное время я, пехотный капрал, к нему, унтеру тяжелой кавалерии, и близко бы не подошел. Мы из разных вселенных. Он – элита, а я так, массовка.

А сейчас, когда он провалялся почти две недели с жестокой простудой – запросто общаемся. Стоим на крылечке купеческого дома, где местный помещик расположил на постой больного кирасира, и болтаем за жизнь. Здешний купец из старообрядцев, табак на дух не переносит, поэтому кирасир в доме не курит, а выходит на крыльцо. Здесь считается, что хлебное вино и табак – это полезно. Водка согревает кровь, а это по здешним представлениям хорошо для застуженных. А курение табака прогревает легкие и конопатит их сажей изнутри. Нынешние лекари считают, что это тоже полезно. Да и вообще курение табака здесь – это такой же ритуал, как и питье вина. В одиночку ни пить не принято, ни курить. И здесь нет такого, как в мое время, когда смолят сигареты на ходу. Тут все степенно, компанейски, с ритуалом. Вот и позвал меня кирасир на крылечко, за компанию. Впрочем, может, дело не в ритуале. Может, все дело в той намертво въевшейся привычке: солдаты по одному не ходят. Даже если это солдаты элитных кирасирских войск.

Мы остановились на ночлег в Изборске, на постоялом дворе в посаде у большой старинной крепости. Пока готовился ужин на всю нашу команду, каптенармус Рожин убежал шептаться с каптенармусом изборской гарнизонной роты, ну а я пошел навещать очередного размещенного на постой больного солдата. Такое у нас с Рожиним разделение труда. Он общается со снабженцами о своем снабженческом, а я – со строевыми, о солдатском.

– Как же это вас так угораздило?

Закутанный в теплый купеческий полушубок кирасир пожимает плечами и пыхтит трубкой.

– Да вот же ж. Зима – она всегда свою жатву соберет. Не бывало такого, чтобы вдруг зимой да никто не захворал. Теперь вот зима меня на прочность пробует. Врешь, не возьмешь! Мы, Строгины, всегда крепкие были!

– Дай бог здоровья! – соглашаюсь я.

– А скажи-ка мне, пехота, вы когда на войну выступать собираетесь?

Я пожал плечами.

– Думаю, перед самым ледоходом. Чтобы пушки еще по льду переправить, но при этом побольше зимы на квартирах переждать.

Кирасир посмотрел на меня с сочувствием.

– Да уж, хлебнете лиха.

– Так война же... – начал было я, но кирасир замахал руками.

– Я тебе сейчас не про пруссаков говорю. Там-то понятно, что все лиха хлебнут. Я тебе за другое говорю. – Он откашлялся и с видом знатока пояснил: – Смотри, какая штука. Мы вот, к примеру, хоть и вышли в самый разгар зимы, да еще и по самой стуже марш делали, однако наш полк, даст Бог, уже к середине февраля встанет на зимние квартиры в Якобштадте. И по всему выходит, что Великий пост наши на квартирах встретят. А вы, получается, в самый разгар поста маршировать пойдете. Потому и говорю, капрал, что не завидую я вам.

А и правда. Скоро же пост! Я невольно вспомнил, как мы прошлой весной страдали в Луге. Муштра, постоянные экзерциции, весенняя слякоть, авитаминоз и вдобавок ко всему – Великий пост, будьте любезны. А сейчас нам предстоит все то же самое, но только еще и на марше. Ну замечательно. Настроение немножко испортилось, и я попробовал приподнять его неуклюжей шуткой:

– Понятное дело. Когда такое было, чтобы кавалерия пехоте завидовала?

– Да вот сейчас прямо такое и есть, – поморщился кирасир. – Из нас нынче такая кавалерия – хоть плачь! Третью полка на слабых драгунских конях ходит, у остальных так и вовсе извозные клячи. Полк на марше медленнее пехоты движется. Добрых кирасирских коней даже у начальства нету. Смех один, а не кони. А даже если бы и были... Генерал наш новый, молодой граф Румянцев, всю жизнь в пехоте прослужил, с кавалерийским делом раньше не сталкивался. Еще прошлым летом у Василия Абрамовича Лопухина генеральскому делу учился, под его приглядом сводные гренадерские полки формировал. А по осени уже гляди-ка, над всем рижским кавалерийским корпусом наиглавнейший командир. Ни одного смотра кавалерии не провел, зато приказы писать мастак. Марши задает такие, будто мы не конница, а птицы. Эх! Хлебнем мы еще с ним горя, попомни мои слова!

Ну да, действительно. Где ж еще зубоскалить над начальством, если не в курилке?

* * *

Ужинали теплой ячневой кашей со шкварками. Я со своими за одним столом, Рожин со своими – за соседним. И, как водится, обсуждали планы на завтрашний день.

– Господин капрал, а как вообще мы их узнаем – беглых солдат?

Я поморщился и выставил перед собой ладони:

– Чего ты так официально, Степа? Мы ж все-таки за столом, а не в линии.

Степан чуть выпрямился и продолжил:

– Я просто чего думаю, Жора. Ладно если беглый в мундире полка будет. А если он его, мундир то есть, на крестьянскую одежду сменить успел да бороду отрастил? Как теперь его узнать-то? На человеке же не написано, беглый он или нет. Как их вообще находят – беглых? Крестьянина-то, бывает, какой-нибудь помещик уведет с дороги в свою деревню, и поминай как звали, годами найти не могут. А если даже и найдут – то потом между помещиками тяжба на несколько лет. Вон, у нас история была, мужик на Купалу девку умыкнул да женился на ней. Уже и хозяйство у них, и дети пошли, а बारे все за них судятся. А с солдатом-то как быть?

И правда, а как? Я вот, если честно, тоже никакого понятия не имею. Но что-то ответить надо. Я капрал, мне нельзя показывать солдату, что я чего-то не знаю. Хоть мы со Степой и служим вместе одинаковый срок, а все одно – нельзя. Так что делаю суровое лицо и говорю, уверенно так:

– А с чего это вдруг ты решил, что на беглом не написано, что он беглый? Еще как написано! Вот смотри.

Солдаты посмотрели. Я коротко кивнул и, не меняя выражения лица, резко и отрывисто гаркнул:

– Встать! Смирно!

Деревянная миска с остатками каши летит на пол, шестак мгновенно вскакивает и вытягивается в струнку.

Улыбаюсь и показываю рукой за соседний стол, где точно так же застыли по стойке «смирно» возницы Рожина. Стоят, тянутся, а на лицах написано недоумение. Они, конечно, нестроевые, но у господина Стродса не забалуешь. Вон, и сам каптенармус вроде бы и служит уже десяток лет, и по званию каптенармус старше капрала и равен ундер-офицеру, и при мне всю дорогу пытается быть «дядькой», а вон, чего-то переминается на скамейке. Видно, что даже его тянет подняться.

– Вольно! – и уже спокойным голосом: – Садитесь, чего вскочили-то.

Успокаивающе машу рукой рожинцам – не тянитесь, мол.

Парни переглянулись с каким-то недоумением, и я поясняю:

– Вот примерно так это и работает, братцы. Муштра меняет человека. Вспомни, сколько времени мы потратили на экзерциции в прошлом году? А это у нас еще очень гуманный полк, от нас солдатики не бегают.

О, вроде поняли. Загалдели все сразу:

– Ну да, считай, только этим и занимались! Особенно в Луге!

– Я думал, пятки до колен стопчу на всех этих поворотах да перестроениях!

– А этот вот «выпад» помнишь? А потом еще «замри»?

– Шутить изволите, господин капрал, – ворчит один из рожинских возниц.

Поворачиваю голову, смотрю на него пристально, подражая ундер-офицеру Фомину. Возница утыкается глазами в стол. Это он правильно. Разглядывать остатки ячневой каши в миске – оно полезно. Развивает внимательность, оказывает успокаивающий эффект, а в данный момент еще и бережет от сотрясения мозга.

Рожин с сомнением качает головой и говорит мне через стол:

– Не, так не получится. Нешто каждого встречного будешь заставлять во фронт тянуться? Это он просто так сказал или защищает своего слегка оборзевшего подчиненного?

Поворачиваюсь к нему и немножко с вызовом говорю:

– А что ты предлагаешь?

Тот вскидывает ладони. Мол, ничего такого, Жора.

– Дело твое, конечно. Хочешь отличиться – я ж разве против? Да и фокус хороший показал. Только все равно так ты беглых не найдешь.

– Это почему же? Что, для беглых сейчас тоже не время, что ли?

– Ну почему. Армия, считай, уже две недели как потихоньку тянется от Дерпта в сторону Ковно. Если кто из молодых задумал бежать – то примерно сейчас они и побегут. Только вот – куда они побегут-то?

Пожимаю плечами:

– Ясно куда. Домой к себе, куда же еще?

– Э, нет, Жора. Домой им путь заказан. Они уже из крестьянского сословия выписаны, община им пашню не выделит. И в город тоже не пойдут. Ты это верно заметил, муштра изда-лека в человеке видна. Так что в городе его любой гарнизонный солдат враз определит как служивого.

– И куда они пойдут?

Рожин растянул толстые губы в ухмылке:

– В монастыри они пойдут, Жора. Грехи замаливать. Опять же, кто в монастырские земли попал – того уже светские власти, считай, никак не достанут.

Хм... То есть, получается, бумага о том, что беглые солдаты подлежат отправке в ландмилицию – это не столько указание, сколько легализация существующего порядка вещей? Надо будет подумать на эту тему.

– Ну ладно. Значит, для поиска беглых солдат будем с батюшками разговаривать. Вот прямо завтра и начнем.

Ладно, совещание можно считать удачным. Отправил ребят перед сном поболтать с местными о всякой всячине, а сам достал бумагу, карандаш и пухлую пачку своих заметок. Аккуратно поправил веревочный фитиль на масляном светильнике, чтобы хватало света, и начал приводить записи в порядок.

Год назад, когда я был еще рекрутом и ундер-офицер Фомин вел нашу команду из Кексгольма в Лугу, я все удивлялся, чего это там Фомин каждый вечер пишет. Вроде бы ундер-офицер – не такая уж и высокая должность, а поди ж ты – каждый вечер он сидел и вдумчиво работал с бумагами. А теперь вот у моих бойцов свободное время, а я точно так же сижу и оформляю дневные заметки на скорую руку в нечто более осмысленное и понятное. Потому что дорога пряма или где кривизна есть – все то аккуратно записывать.

Глава 5

Кони месили копытами пушистый снег. Лес раздался далеко в стороны, давая разгуляться ветру. День был ясный, солнце отражалось от снега и слепило глаза. Будто мало мне ветра в лицо.

Я закутался поглубже в тулуп, набросил на ноги одеяло и дал себе небольшую передышку. Откровенно говоря, устал делать пометки о дороге. И так уже чертову уйму бумаги исписал. И что-то как-то мне совсем не хочется в разведчики. Лучше уж куда-нибудь в середину колонны и ни о чем не думать. Топай себе и топай, не забивай лишним голову. Ну отлично же, да?

Или вон тот же Рожин. Устроил себе на санях лежанку из мешков и одеял, подложил под толстую щеку рукавицу и спокойно спит. Может, и мне так же сделать? Дорогу возница знает, ехать осталось недалеко. А тут как в поезде. Мягко, тепло, укачивает и конские копыта такие – тудух-тудух, тудух-тудух...

Сердце вдруг забилося чаще. Я распахнул глаза, резко выпрямился и крикнул вознице:

– Ну-ка придержи!

Быстро окинул взглядом наш небольшой караван. Да не, вроде все нормально. Саней – три штуки. Возниц – тоже три. Каптенармус – вот он лежит. Моих солдат тоже комплект, все шестеро в наличии. Не филонят, старательно крутят головами во все стороны на всякий случай. На дороге пусто. Разве что... вон там какой-то одинокий всадник удаляется по дороге. Весь такой суровый, конь черный, сам в черном... Да не, это так кажется. Солнце в глаза, снег бликует, на этом фоне любой силуэт – темное пятно.

Спрашиваю чернявого Никиту:

– Это кто проехал? Я что-то слегка задремал, не обратил внимания.

Никита шмыгнул замерзшим носом и ответил:

– Да вроде дворянин какой-то. Одет солидно, но не военный. Выбрит чисто, усы такие пижонские. Черные, без седины. Инея на усах нет, наверное, смазал ихней дворянской помадой для волос.

Я удивился:

– Это ты все с одного беглого взгляда запомнил?

Никита вдруг покраснел.

– Да не. Он вон оттуда ехал, с той своротки. И когда вот сядой подъехал – что-то на наши сани уставился. Ну и я на него в ответ. Ну так... выставился, в общем. Мол, чё смотришь? Думал, скажет чего, а он со мной в гляделки поиграл и дальше поехал. – Никита выпрямился, запустил руку в отворот тулупа, поправил шейный платок и официальным тоном заявил: – Виноват, господин капрал. Надо было тебя разбудить. Спросил бы его... ну, как всяких других по дороге спрашивали.

– Поясни.

Сбоку прокашлялся Рожин, растирая заспанное лицо:

– Прав твой солдат, Жора. Глянь. Он же один едет. Ни слуги, ни заводной лошади, ни спутника какого. Нельзя так в зиму ездить. Дорога есть дорога, мало ли что.

– Думаешь, это злодей?

Рожин расхохотался в голос.

– Ага! Злой разбойник! Упустил ты свой подвиг, Жора! Иди, догоняй быстрее!

Я не поддержал шутку:

– А если без этих твоих подначек?

Рожин осклабился, обнажив свои желтые от курева зубы:

– Да городской он, не ясно, что ли? И вряд ли из дворян. Дворяне да помещики нынче все в войсках. Сам же видел, в какую деревню ни заедем – везде или супруга барина заведует,

или вообще нанятый приказчик. Раньше-то офицеры по зиме часто в своих поместьях бывали, в отпуск, значит. А нынче, сам видишь, со службы считай что никого из благородных домой не отпустили на зимовку. Да и вообще. Благородные – они в деревнях часто бывают. Потому знают, что зимой всякое случается. А городским невдомек. Вон, пожалуйста, сел и поехал.

– И что? Ну остановил бы я его, расспросил бы. Может, даже документ какой спросил бы почитать. А он же не злодей, сам же сказал. Зачем тогда?

– Затем, чтобы знать, кто это был, когда он сгинет в зиме без следа. Мало ли, вдруг кто искать станет. Смекаешь? Сколько их таких по весне находят, когда снег сойдет! И вот что непонятно. Вроде же в городах и обслуга из вчерашних деревенских, и конюхи все тож... А все равно найдется какой-нибудь молодой барчук, кто и слухом не слыхивал, что нельзя в дорогу в одиночку пускаться. Особенно зимой. Эх!

Мне показалось, или он это сказал с теми же интонациями, с какими мы с парнями прошлой весной зубоскалили про дурачков из соседней роты?

От задних саней, утопая по колено в снегу, к нам подбежал Степан.

– Уф! Господин капрал! Жора! Вовремя ты остановился!

Я попытался вскинуть бровь в стиле ундер-офицера Фомина, но вспомнил, что надвинул зимнюю шапку чуть ли не до переносицы, и спросил прямо, без всяких там этих штучек:

– Что такое?

– Так вон оно, Таилово! Видишь, там церквушка виднеется каменная? Я ее еще осенью заметил. Она тут одна такая, в остальных местечках все больше деревянные. Чуть не проехали своротку!

Рожин выругался и с досадой крикнул вознице:

– Карпыч, разворачивай!

Да уж, отличный из меня разведчик. Тот дед из электрички, небось, совсем разуверился в моих умственных способностях, раз уж сигналы на нужный поворот дает. Блин горелый! И когда местные додумаются дорожные указатели на трассе ставить, а? Здесь не то что повороты никак не отмечены, но даже и названий населенных пунктов нет. Деревня и деревня, какая-нибудь очередная Ивановка, похожая на десятки точно таких же. И то, Ивановка это или Иваново – узнаешь, только если какого аборигена расспросишь. Да еще и убедишь, что тебе это важно знать, и неча тут зыркать исподлобья и хамить в стиле «тебе какое дело, служивый?».

В общем, мне стало гораздо понятнее, как один Сусанин смог целую армию поляков сгубить. Я и сам запросто могу стать таким поляком, без всяких сусаниных.

Достаю бумагу с опостылевшим карандашом и наспех записываю:

«У погоста Таилово дорога разветвляется. Большак сворачивает к югу, две отмеченные вешками тропинки в поля и своротка на северо-запад, на Печоры. Заметные места: церковь каменная, колоколенка, охрой выкрашенная, рядом с ней приметы следующие...»

* * *

К полудню мы достигли крепостных стен Печорского монастыря. У ворот охрана из солдат в светло-серых кафтанах. Капрал ландмилиционеров каптенармуса Рожина знал в лицо, потому пропустил наш скромный обоз без всяких препятствий.

Дорога к белым стенам монастыря была занесена слоем грязи прямо поверх укатанного снега, и сани покатались заметно тяжелей. В тесном проходе под надвратной башней снега совсем не было, и нам пришлось спешиться, чтобы протолкнуть сани по грязным камням брусчатки. По ту сторону ворот истоптанный снег был тоже покрыт грязными разводами желтого глиняного цвета.

– Ничего, дотолкаем как-нибудь, – сказал Рожин, обнажил голову, смахнул рукавицей со лба выступившие капельки пота и размашисто перекрестился на купола Успенской церкви.

Потом нахлобучил обратно шапку и повернулся к нам. – Так, братцы. Я к складам, вон у той башни. Вы пока своими делами занимайтесь, я вас потом найду. Вон то здание, которое с покатой крышей – это у них нечто вроде постоянного двора для гостей и паломников. Мы обычно там на ночлег встаем. Хотя тут каждый раз по-разному, монастырские могут и за ворота попросить, в деревню, тут уж как договоришься. И это... За тулупами – глаз да глаз. Нигде не оставлять, все время чтобы при себе. Люди тут простые, подумают, что пожертвовали. Да и вообще, старайтесь не терять друг друга из вида, лады?

Лады. Пойдем, осмотримся, что тут да как.

В скромной монашеской обители на крышах домов курились белыми дымками печные трубы, на солнце ярко сверкали золотом слегка припорошенные снегом три маковки церкви, а метрах в ста от нее, рядом с хорами архимандрита разворачивалась причина повсеместной грязи: большая стройка. Десятки мужиков в потасканных серых армяках копошились у огромного котлована. Рядом высились штабеля тесаного камня, бревна и горы вынудой из котлована земли. Понятно, откуда грязь на дороге у ворот. Вон, туда-сюда катались волокуши, которые мужики с носилками грузили грунтом из котлована.

Вот тоже проблема. Копать котлован под фундамент зимой – то еще удовольствие. Но, елки-палки, летом не найти столько свободных рук, все мужики в поле будут. Да и материал для строительства летом таскать – это ж насколько больше телег пустить нужно будет!

– Я так думаю, Ерема где-то там, – кивнул я в сторону стройки. – Сходите, поищите. А я пока по делам зайду к местному начальству.

Парни понятливо кивнули и потопали. Красиво идут, черти. С ружьями на ремне, в ногу, ровной колонной... Только тулупы поверх форменных кафтанов немножечко портят вид. И зимние шапки. Кстати, надо бы мне себя привести в божеский вид.

Повернулся к Степану, который так и остался стоять рядом.

– А ты чего?

– Так это... по одному же не ходим. Ну я и вот.

Действительно. Ну ладно, побудешь, значит, моим вестовым, сам вызвался.

Я снял тулуп, засунул в рукав шапку-треух и скинул это все на руки Степану. Достал из ранца аккуратно сложенную треуголку, расправил по мере сил смятый фетр. Ну, вроде нормально. В таком виде можно и к начальству.

– Куда? – грозно спросил меня у крыльца хором смиренный плечистый монах на голову выше меня.

Отвечаю уверенно, казенным голосом:

– Его преподобию архимандриту Иосифу письмо от квартирмейстера Кексгольмского полка секунд-майора Стродса, Генриха Филипповича.

– Еще один... – пробасил монах с легкой тенью раздражения. – Не велено.

Ба, а я ведь тебя помню! Мы ж с тобой по осени битый час в гляделки играли в приемной, когда наш квартирмейстер с местным начальством вопросы решал.

Удерживаю бесстрастное лицо и флегматично заявляю:

– А ты доложи.

Смотрит на меня в упор, где-то в район переносицы. Ну-ну. Матч-реванш решил устроить, что ли?

Однако пауза надолго не затянулась. Где-то через полминуты гляделок он отвел взгляд и гулко пробасил куда-то себе за спину:

– Иоанн!

– Ась? – отозвался кто-то из сеней.

– Проводи служивых, – и сделал шаг в сторону, демонстрируя, что дорога свободна.

Вот так просто? А, нет. Когда я поравнялся с монахом, тот придержал меня за локоть.

– С оружием в дом не ходи. Не оскверняй. Тут оставь, – объяснил он в ответ на мой вопросительный взгляд.

Пожимаю плечами. Ладно. Кивком указываю Степану встать по другую сторону крыльца, напротив амбала. Отдаю ему мушкет и снимаю с перевязи шпагу. Ну вот, теперь у нас Степан похож на пушистый трактор. Грузенный тулупом, ранцем, ружьями, шпагами... Ничего, сам вызвался. Пусть поиграет в гляделки с этим типом, как я минувшей осенью.

Каменные ступени покрыты тоненьким ледком. Башмаки плохо цепляются за поверхность. Не навернуться бы. Чувствую я, под взглядом местных смиренных мордovorотов надо держать осанку и маршировать безупречно ровно. Мы не дома. Не хватало еще, чтобы местные потом зубоскалили, что в Кексгольмском полку солдаты косолапые да неуклюжие, на ровном месте падают.

Кто-то из челяди доложил о нашем явлении, и уже через несколько минут меня провели в скромный кабинет архимандрита Иосифа.

С осени здесь ничего не изменилось. Все такие же голые кирпичные стены, все тот же большой полированный стол, все так же аскетично и без каких-либо украшений. Разве что на столе лежат стопки бумаг и пара больших книг в простых черных переплетах.

Подошел поближе, представился и протянул его преподобию перетянутый бечевой пакет от Стродса.

Архимандрит быстро вскрыл конверт небольшим ножичком, вынул письмо и погрузился в чтение. Сесть мне он, конечно же, не предложил. А я и не напрашивался. Хорошо хоть вообще сюда допустили. Архимандрит – это должность, примерно соответствующая генеральской. А я кто? Даже не офицер. Так, нижний чин. Потому стою навтыжку и выражаю смирение на лице и внутренне радуюсь, что меня не заставили целовать руку его преподобию. По ритуалу вроде бы положено...

Его преподобие дочитал письмо, отложил в сторону и с едва заметным раздражением забарабанил пальцами по отполированной поверхности стола.

– Может, еще что-нибудь в дополнение к этому? – с ноткой язвительности кивнул архимандрит на лежащее письмо.

Недоволен. Ну извини, дядя. У меня приказ. Сейчас буду требовать больше. Чтобы или дал хоть что-то, или в открытую послал нас лесом, без всяких этих дипломатических словоплетений. Все равно я эту высокую дипломатию не понимаю. Вот он скажет что-нибудь вежливое, а мне потом только майор Стродс растолкует, что это меня так грубо отшили.

– Так точно. Еще взамен тех беглых, что вы у себя укрыли, согласно вот этому рескрипту, – достаю бумагу из сумки и аккуратно кладу на стол, – мне велено забрать у вас такое же количество справных и обученных ландмилиционеров. Из лучших.

Архимандрит дернулся и со злым прищуром спросил:

– Это кто ж тебя надоумил, солдат, обвинять нас в укрывательстве беглых? У нас тут, знаешь ли, монашеская обитель, а не казачий стан.

Как там Стродс говорил? Морду поглупее сделать и побольше наглеть?

– Никак нет, ваше высокопреподобие. Напротив, вам же на благо. Беглые-то все одно к войне не годны. И духом слабы, вы для них заместо отца родного будете, на руках вас носить будут, ежели милость к ним свою явите. А взамен избавитесь от солдат злых и буйных, кои непотребствами всякими да нравом необузданным портят тут это... – я сбился, сглотнул и закончил фразу уже не так куртуазно, как планировал: – Короче, борзых и наглых мне, и вам же спокойней это самое... Они, наглые, на войне, ну, чтобы... а у вас тут гарнизон, вот.

Чувствую, как лицо заливается краской. Ну как так-то, а? Не возьмут меня в дипломаты. Хорошо же начал фразу заворачивать и потом так лажанул в конце! Эх, надо было в школе в театральном кружке ходить. Научился бы на одном дыхании пафосный спич задвигать, сейчас так пригодилось бы! Ну или хотя бы бумажку с речью приготовить...

Архимандрит побарабанил пальцами по столу, посмотрел еще раз на векселя, вложенные в письмо Стродса, затем уставился на копию рескрипта Конференции, о чем-то размышляя.

– Список с рескрипта кто делал?

– Полковой писарь. Вон там, внизу заверено полковой канцелярией.

– Ваш полк к Рижской дивизии относится?

А это тут при чем? Хотя, может, он заметил мое смущение и просто хочет, чтобы я расслабился и перестал так отчаянно краснеть? Потому и задает очевидные вопросы, чтобы я просто что-нибудь говорил и успокаивался. Наверное.

– Ну да. Командир дивизии – генерал Василий Абрамович Лопухин. Очень его люди хвалят, вот.

Его преподобие коротко глянул мне в глаза и погрузился в свои мысли. Через какое-то время он, казалось, начал думать вслух:

– А у Петра Борисовича Черкасского супружница – дочь Петра Матвеевича Апраксина. Но при этом у сына Петра Борисовича супруга из Лопухиных... Да еще и фон Мантефель бригадиром поставлен... И зачем сюда молодой двор лезет? Ничего не понимаю. – Повернулся ко мне и вдруг спросил: – Скажи, солдат, ты что-нибудь понимаешь?

Э-э-э... что?

– Виноват, ваше преподобие!

Архимандрит поморщился и махнул морщинистой ладонью.

– Да не кричи так, уши давит. Вот скажи, много ли немцев в ваш полк по зиме пришло? Я задумался.

– Ну, так выходит, что господин Лебель с собой целую команду привел. С десятков уж точно будет.

– И все как один немцы?

– Нет, ну почему. Вот наш новый ротный, господин капитан Нелидов – он наш, православный природный русак.

– Нелидов? – встрепенулся архимандрит. – Из Шлиссельбурга?

– Точно так, ваше преподобие, – недоуменно протянул я.

На лице архимандрита проявилось облегчение, будто разгадал какую-то загадку и принял наконец-то решение.

– Ну, тогда все понятно. А то как-то письмо этого твоего немца, – он кивнул на письмо Стродса, – не складывалось со словами еще одного, тоже немца. Набился тут поутру ко мне на прием один... Все что-то темнил, юлил... Лучше бы сразу так и сказал. Из Отрепьевых, мол, по протекции Черкасских в дивизии Лопухина. И сразу понятно, при чем тут дочка Петра Матвеевича и его сводный брат. Ты-то сам, солдат, православной веры будешь?

Ага. Когда-то Ефим меня учил, как правильно отвечать на этот вопрос. Я перекрестился и забормотал речитативом:

– Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия...

Архимандрит перекрестился вместе со мной, дождался, пока я дочитаю Символ Веры, и с одобрительной улыбкой сказал:

– Хочу дать тебе совет, как человек поживший человеку молодому, – он встал из-за стола, подошел поближе и положил руку мне на плечо. Хм, а ведь он еще совсем не старый. Лет сорок – сорок пять, вряд ли больше. А в глазах у него – стужа и февраль. Завораживает так, что где-то в позвоночнике холод... ой, а что он мне говорит-то?

– Держись, отрок, подальше от людей веры латинской. Военное дело они, быть может, знают туго. Но вот к человеческим делам относятся без души. А без веры истинной, от сердца идущей, благого дела не сотворить.

А, понятно. Обычная высокая мудрость, от которой надо трепетать. Ну ладно, трепещу, чего уж тут.

Архимандрит вернулся к столу, прихлопнул раскрытой ладонью письмо Стродса и закончил:

– Писарь подготовит бумаги и сопроводительное письмо на то, что твой начальный человек просит. Все не дам, пусть не обессудит, но и не обижу. На словах передай – приезжал человек от Черкасских, тоже хлопотал. Переключной и ранжирный список на передаваемых тебе гарнизонных забияк подготовят через час. До заката вы должны покинуть стены нашей скромной обители. У нас нынче ночью, – архимандрит кивнул в сторону окна, – молитва все-нощная и освящение первого камня в основании церкви Покрова Пресвятой Богородицы. На этом таинстве мирянам быть не дозволяется. Помолись истово перед дорогой, преклони колена пред Отцом Господа нашего, очисти душу и в добрый путь. Все, ступай.

Ну, ступай так ступай. Развернулся через плечо и пошел на выход. Немножко смутило, что в приемной никого не оказалось. Странно, как же так? Вроде должность у его преподобия генеральская, власти и ресурсов в его руках ого-го сколько, а охраны никакой. Впрочем, то не моя печаль.

* * *

Ерема быстро запихивал себе в рот горячую, парящую кашу и жадно глотал, почти не жуя.

Да уж, исхудал боец. Кожа да кости остались. А ведь летом у него там даже мышцы были. Не как у Шварценегера, конечно, но нормальные такие тугие жгуты сильного человека. А сейчас... Тяжко ему пришлось. Неужели это все от обычной пули в ногу?

– Знаешь, Жора... то есть господин капрал, конечно...

– Не господинкай тут. За столом же сидим, – поморщился я.

– Ага, – кивнул Ерема, проглатывая еще ложку. – Я это... Ни капельки не жалею, что вечером выходим. Будь моя воля – вот прямо сейчас бы ушел, веришь? В чем есть, хоть босиком!

– Ты кушай давай, кушай.

Столоваться нас посадили в том доме, что Рожин обозначил как постоянный двор. Готовили здесь дурно. Жидко, без мяса и масла, обычная распаренная сечка. Как не своим стряпали, право слово. Интересно, это здесь всех так кормят или только пришлых? Не, ну тот смиренный амбал из канцелярии его преподобия – тот наверняка мяса много кушает. С пареной сечки таких мощных плеч ни у кого не будет.

Я ел не торопясь, ребята тоже. Все норовили побольше подложить добавки Ереме. А еще ему бы в баньку. Волосы грязные, светлые засаленные кудри местами сваялись в колтуны. И, кажется, в его прическе завелась жизнь. Ничего. Потерпи, родной, скоро будешь дома. Там мы тебе вернем божеский вид.

– А эти, которых нам местное начальство передаст из ландмилиции, – они какие вообще? Ты с ними общался? Знаешь кого?

– Эти-то, из башни решеток? – переспросил Ерема. – Диковатые, конечно, но в целом правильные парни. Прямо как у нас на севере. Есть, конечно, с тухлецей парочка, но здесь трудно не стухнуть, с такой-то жизнью.

– В целом годное пополнение? Лучше, чем... а, ты же их не знаешь.

Ерема кивнул.

– Нормальные. Твой крестный их причешет – золото будут, а не люди.

– А как же они тогда в тюремную башню угодили?

– Не, ты не путай, – помотал головой Ерема. – Тюремная башня – это вон та. А эти в башне Нижних решеток стояли. Ну и работали. Весной там речушка Каменец сильно фундамент подмывает, потому когда лед встает – работы по низу много. А еще вон там, тоже у оврага, есть башня Верхних решеток. Там, значит...

В столовую вошел давешний смиренный амбал и направился напрямик к нашему столу.

– Ладно, Ерема, потом расскажешь. Дорога длинная, успеешь еще. Степан, что там наш каптенармус?

– Ворчал, конечно, – отозвался Степан, – Но обещал, что будет готов. Пешком идти не придется.

– Хорошо. Все, заканчиваем трапезничать. Вон, за нами уже пришли.

* * *

Красное закатное солнце уже коснулось крепостных стен. Холодало. Прямо перед главными воротами монастыря – выстроились по ранжиру полтора десятка мужиков разного возраста. Только вот... на ногах – бесформенные поршни, штаны и армяки – грязные и драные, шапки у большинства – войлочные литовки. Нормальный меховой треух есть только у одного. Рукавиц – ни у кого, только плохонькие муфты, да и то не у всех.

Я повернулся к высокому, чуть сутулому переписному дьяку, который держал на весу планшетку с бумагами.

– Это как так понимать? – пар со свистом вышел через стиснутые зубы. – Где их зимняя одежда? Поморожу же людей!

Дьяк пожал плечами. Лишь в глазах плясали отблески закатного солнца и плохо скрываемая непонятная эмоция. Злорадство?

– Военное имущество, что было на них записано – то осталось в гарнизоне. А они, – тут дьяк слегка повысил голос, чтобы слышали люди в шеренге, – из ландмилиции выписаны. О чем вот, пожалуйста, ранжирный и перекличной списки, а вот приказ. Когда вот здесь и здесь будет стоять печать канцелярии вашего полка – тогда они станут вашими солдатами.

Мужики в строю завертели головами, переглядываясь.

– А сейчас они, значит, ничьи, да? Пусть мерзнут? – ко мне начало подступать бешенство.

И чего Рожин молчит? Вмешался бы, авось и выторговал бы что-нибудь теплое. Но нет, стоит такой поближе к воротам, гладит морду черной лошадке и что-то ей на ухо нашептывает. Будто до нас ему и дела нет.

От здания местной канцелярии четверо служек притащили два тяжелых деревянных сундука. Дьяк знаком приказал поставить их на грязный снег и откинул крышки у обоих.

– Вот, пожалуйста, все по заявке. Пять тысяч рубликов монетой. Восемь с небольшим пудов серебра, все как просили ваши начальные люди.

Ну что ж ты так голосишь, родной? Хвастаешься своим поставленным оперным вокалом? Мало ли, вдруг кто не в курсе, что у меня тут сотня с третью килограммов серебряной монеты!

– Дай сюда, – выдираю у его из пальцев бумагу. Пробегаю глазами.

– Грамотный? – в глазах дьяка появилось легкое беспокойство. – Тогда вот здесь, в формуляре, поставь свою роспись.

– Я и пересчитать могу. Мне не лень, – зло бросаю я. – Да и вон, наш ротный каптенармус в арифметике силен.

– Ваше право. У нас все точно. Никто и никогда нас не мог упрекнуть, что обжулили при расчете.

Можно, конечно, позвать Рожина и пересчитать. Но тогда уж точно закончим в темноте.

Посмотрел на Ерему. Тот понял мой взгляд и уверенно кивнул. Ну ладно, поверим на слово. С гулким стуком захопываю сундуки и киваю Степану – грузите, мол.

Дьяк слегка улыбнулся и таким же громким голосом сказал:

– В деревне один мужик нечто вроде постоянного двора держит. Там тепло, можете поужинать. И еще, – он лукаво подмигнул, – он ставит чудную брагу. Наши бывшие гарнизонные солдаты могут показать его дом.

Ну что ты так стараешься, родной? Я, конечно, не самый умный человек на свете, но все же понял, что ты все это говоришь не по доброте душевной, а по чьему-то наущению.

Кручу пальцем над головой – подсмотренный в каком-то фильме жест, означающий «заводи машину», и команду выдвигаться. Фыркнула лошадь, заскрипели полозья саней, глухо затопали по натопанному снегу поршни и башмаки.

Ночь, четверо нестроевых, капрал, шестеро солдат, пятнадцать людей без статуса и нормальной теплой одежды, от которых с радостью избавилось гарнизонное начальство, и сотня с лишним килограммов наличных серебряных монет. Которые все кому не лень видели своими глазами. А кто не видел – тот уж точно слышал громкий, густой, поставленный голос дьяка.

Главное в такой ситуации – прекратить столь нервно теревить курок мушкета. А то разболтается и вылетит курковый винт, хрен его потом найдешь в снегу.

Глава 6

В темное, усыпанное звездами небо тянулись высокие светлые столбы дыма от кирпичной дымовой трубы помещицкой усадьбы и от волоковых окон многочисленных крестьянских изб. Я поежился. Будет холодно. Да что там – будет? Уже холодно!

Сани, скрежеща полозьями по песку, выехали за ворота. Возницы шустро пробежались вокруг коней, проверяя сбрую и упряжь перед дорогой, а мой небольшой отряд разбился на две отдельные кучки, используя возникшую паузу для спешного перекура.

– Рожин, что там по приметам? – киваю на небо. – Как оно там будет сегодня-завтра?

Каптенармус не встречается со мной взглядом. Делает вид, что рассматривает бумаги из своей сумки. Буркнул в сторону:

– Карпыча спроси. Он мужик поживший, бывалый. Лучше него никто не скажет.

Поворачиваюсь к вознице. Карпыч слышал вопрос. Потирает усы рукавицей и с готовностью задирает голову, разглядывая небо.

– Ну? – немножко резковато звучит. Но мне холодно. Не снаружи, нет. Чего мне мерзнуть, я ж в тулупе. Что-то другое в спине морозит. Изнутри будто печенку холодом прихватывает.

– Глянь, капрал. Дым кверху идет – значит, мороз.

– Это я и без тебя знаю. Это надолго?

Карпыч неодобрительно покосился на меня и ткнул рукавицей в почти полный диск убывающей луны, что огромным желтым диском поднимался из-за горизонта.

– А вон, видишь, колечко туманное вокруг месяца? Значитца, метель будет. Когда именно – не скажу, надо чтобы он повыше поднялся. Если, когда в зените будет, колечко сохранится – значит, быть метели к утру. Если рассеется – значит, опосля заметет, попозже.

Метель, значит. Я оглянулся на свое притопывающее на укатанной дорожке воинство и на плавно закрывающиеся ворота монастыря. Потом на сани. Рожин расторговался удачно. Обрато двое саней идут почти порожними, вместо объемистых тюков везет лишь несколько связок узких кожаных ремней да стопку опустевших мешков.

– Рожин.

– А? – глухо отозвался каптенармус, все так же старательно отворачивая от меня лицо.

– Дай мне расклад по подвижному составу. Сколько конь может бежать без передышки, чтобы не загнаться, через сколько его нужно будет кормить и поить, какие перерывы на остановку.

– Карпыч! – снова отфутолил меня к вознице Рожин и ткнулся лбом в шею коня, прижимаясь плечом к хомуту. Судя по вырывающемуся из-за плеч пару – он там коню что-то шепчет.

Да и пес с ним.

– Карпыч, – поворачиваю голову к вознице. – У нас трое саней, груз и люди. В среднем нагрузка выходит по сорок пудов на сани. Докуда нас утащить сможешь?

Тот посмотрел на Рожина, потом на меня. Быстро окинул взглядом разбившуюся на две кучки остальную публику и тихим серьезным голосом проговорил:

– Два часа. Потом четверть часа перерыв. Потом еще два часа, вечерняя кормежка с паузой в час. Если ехать быстро – то потом каждый час остановка, так же на четверть часа. Георгий Иванович! Коням нельзя больше шести часов в день бегать. Особенно по зиме! Если очень надо, то полдня – это совсем край. И овса мало, мы думали в деревне прикупить, а завтра уже поутру...

Я внимательно посмотрел в глаза вознице. Он, взрослый мужик за полтинник, и ко мне, малолетке, у которого-то и усы еще как следует не растут – по имени-отчеству. Впервые за всю нашу поездку. Смотрит прямо и серьезно, без подколов, ехидства и прочих веселых прибауток, которыми мы коротали время во время дороги.

– Овес принципиально? Ячмень, пшеница – пойдет? – спросил просто так, лишь бы что-то сказать и потянуть время на выслушивание ответа. Командир умный, командир совет держит со знающими людьми, командира не отвлекать.

Каптенармус так-то ундер-офицеру равен. То есть старше меня по званию. Но он – вспомогательный, а я – линейный. Да и слился наш Рожин, прямо говоря. Вон, к нестроевому отфутболил вопросы решать.

– Зерно только дома, – говорил тем временем Карпыч. – После зерна коню поспать надо всю ночь, очень уж тяжело переваривают они это дело. А овес легкий, после овса уже через полчаса бегать можно.

Из-за спины раздался чей-то ворчливый голос:

– Да что ты там раздумываешь на ночь глядя, малец! Айда заночуем у Федота, а там – утро вечера мудренее!

Холода внутри меня вдруг стало больше. Ну вот и все. Время вышло. Пора принимать решение. Пытаюсь еще раз поймать взгляд упитанного, солидного внешне каптенармуса.

А Рожин все так же чешет шею черному тяжеловозу и шепчет ему всякую хрень на ушко. Жирный зоофил.

И еще чуть-чуть начали подрагивать руки. Нервы или холод? Ага, вот сейчас мне б еще нюни распустить.

Резко оборачиваюсь. Вот они стоят, столпившись. Четко видна линия разделения, вот мы, а вот они. Свои-чужие. Сейчас кто-нибудь крикнет «наших бьют» – и они пойдут одним слитным организмом. Они пока еще одна семья. Они пока еще четко чувствуют, что они – свои, а мы – чужие.

Еще утром их будущее было расписано на много лет вперед. Пусть они были не на самом хорошем счету у начальства, но все-таки у себя дома, в своем привычном мирке, в своей пусть не самой хорошей, но размеренной жизни. А сейчас у них – растерянность. Впереди – неизвестность. И еще страх. Их ведь не просто из гарнизонных переводят в действующую армию. Их на войну отправляют. И я – олицетворение этого страха. Вот такой как есть – с розовыми от мороза щеками, со слабыми молодежными усиками над губой, в мундире ярких, не застиранных еще красно-зеленых цветов. Не самый представительный, прямо скажем. И выбор у них есть. Идти на войну вместе с этим глупым щенком – или на волю с вон тем сундуком серебра.

Сомнут. Их больше. Они старше, опытнее и злее. А у меня... Рожин с лошадкой обнимается, старик Карпыч, двое возниц тех же лет и шестак парней моего возраста, а то и помоложе.

В этот момент я решил. И сразу вдруг пропал холод из позвоночника, а к ушам прилила кровь.

Будем вас атомизировать, господа пополнение. Превращать вас из минерала в отдельные атомы. Разделяй и... чего там дальше? Вот это самое. Пока вы едины – мне останется только ножками сучить от негодования. Если они при мне останутся, эти самые ножки-то.

Не знаю, дали вам какие-либо указания насчет серебра или просто намекнули – то уже дело десятое. Уверен, самый борзый из вас сейчас только пробный камень закинул. Провокация, после которой вы всем миром будете совещаться и раскачиваться, соображая, как жить дальше. Вон, те двое с краю тоже глазки в пол прячут. Не одобряют резкость своего заводилы. Остальные вроде как тоже переминаются с ноги на ногу в некоем смятении. Мол, чего сразу-то борзеть, на виду у крепости? Надо отойти подальше, где никто не видит, и вот уже тогда...

А вот вам шиш с маслом. Нате вам еще кусок смятения.

Делаю несколько шагов к столпившимся мужикам, на ходу вытягивая из-за кушака тулупа капральскую трость.

– Болтать команды не было! – И сразу, с ходу бью тростью по плечам дерзкому, с оттягом с обеих сторон – хрясь, хрясь!

Один, тот, что справа, открыл было рот, чтобы крикнуть вечное «наших бьют», но я резко направил на него свою трость, и он осекся.

Говорю быстро, яростным, злым речитативом, пытаюсь выгнать из себя тот мороз, что сидел в печенках всего миг назад.

– В полку нехватка людей. Когда придем, отцы-командиры будут стараться растащить по разным командам. Я должен знать, кто вы такие есть. Кто справный солдат, а кто лодырь. Кто ловкий, а кто пень трухлявый. Кому в мундире на параде блистать, а кому в инженерной команде по колено в воде заживо гнить. Поэтому слушай мою команду... – Я окинул кучкующихся монастырских бешеным взглядом, набрал воздух в легкие и гаркнул: – В колонну по два становись, перед санями по дороге легко бегом – марш!

Нет, братцы-кролики, не когда-нибудь потом, а вот прямо сейчас. Подталкиваю тростью первого, второго... Замечаю, что с другой стороны мне помогает Ерема. Хватает монастырских за шкурку и чуть ли не швыряет одного за одним на колею дороги.

– Пошел, пошел! Команда была – бегом марш!

Зашевелились, смотри-ка. Побежали. Тяжело, вразвалочку, но началась движуха. Да и мой шестак вон, вслед за Еремой ускоряет их в нужном направлении.

Дерзкий, который получил тростью, последний из всех монастырских не побежал. Спорить взялся:

– А зачем бежать-то, капральчик? Ну хочешь пороть – здесь пори!

Бросаю шпагу и мушкет в сани к Карпычу. Поверх кидаю тулуп. Расстегиваю и снимаю кафтан, оставшись лишь в ярко-красном камзоле и панталонах. Киваю Степану – пригляди, мол. Поворачиваюсь к дерзкому:

– Твои люди там, дядя, – и показываю рукой на бегущих монастырских. – Присоединяйся.

И резко, с криком и ударом трости:

– Бегом!

Под шапкой полыхнули огнем глаза, но... сдвинулся. Бежит. Ну и я рядышком, как пас-туший пес. Двигаюсь легко, с шутками да прибаутками.

– Давайте, смутное народонаселение, покажите свою физподготовку! Бегом, бегом, православные! Не останавливаться!

Эх, как бы сейчас пригодился Сашка! Эта заноза страсть как охоч до вот такого – гонять кого-нибудь!

Мои парни расселись по саням, только Ерема, слегка прихрамывая, бежит рядом со мной. Уже переоделся в мундир, что мы с собой привезли. Как застегнул на все пуговицы свой красный камзол – так у него даже осанка поменялась. Вот еще только что был изможденный заморыш со впалыми щеками и торчащими ключицами под тощей шеей – а вдруг гляди-ка, он уже поджарый боец с сухим хищным лицом.

– Ну что, Фома? Вот оно как обернулось все! – зло крикнул он одному из мужиков, что перешел было с бега на шаг.

– Команда была – легко бегом! Марш, марш! – и протянул хлыстом поперек спины.

Тот послушался, побежал, втянув голову в плечи.

И когда только Ерема успел возницу на хлыст раскулачить? Изменился он за зиму, сильно изменился. Был скромный, местами даже застенчивый...

– Дышим, дышим! Два вдоха, два выдоха, под каждый шаг! Покажите мне, какие вы солдаты! От этого зависит, быть вам гренадерами с лучшим пайком или до конца своих дней копать ямы в инженерной команде!

* * *

За прошедший год я часто вспоминал ту свою встречу с деревенскими «охотниками за головами», что поймали меня когда-то под Кексгольмом и сдали в рекруты. Вспоминал, крутил в голове и пытался понять, как же это у них получилось – сделать так, чтобы я их беспрекословно слушался и делал, что они велют. В чем вообще секрет гопников, как они умудряются брать на испуг? Размышлял, прикидывал, сопоставлял... Насколько я понял – тут есть некая грань, на которой важно удержаться. Чтобы жертва думала, что драка еще не началась. Что вот-вот, ну ты только скажи, и вот тогда я...

Я не знаю, правильно ли уловил рецепт. Пробую так. Первое: отвлекать. Пусть думают о чем угодно, только не о серебре и о том, что я моложе их всех. И что в моем шестаке все молодые, ни одного старого солдата. Щенки. Никто по патриархальным меркам нынешнего времени. Потому – грузим их умными словами. Гренадеры, ретраншемент, фурштат, в тему и не в тему, главное чтобы отличалось от того, что они слышали в своем гарнизоне. Ефим летом частенько рассказывал, что у них, в ландмилиции, была принята другая терминология, заметно ближе к гражданской. Многие армейское для него, прослужившего уже пять лет, было такой же экзотикой, как и для меня, безусого рекрута.

Потому – дуем в уши.

Второе. Пожалуй, самое главное. Хамство. Хамство на грани фола. И тут же извинения. И снова дерзость – и снова извинения. Мне надо, чтобы они потерялись, как я потерялся тогда, год назад.

Ты, дядя, рот открыл, что-то сказать хочешь мне, щенку безусому? Н-на тебе стеклом по ноге. Потерял равновесие, начал было заваливаться – подхватываю под руку, поддерживаю и так голосом:

– Прощения просим, неудобно вышло. Извините великодушно!

Да, с издевкой. Но – извиняюсь же!

И рукой подталкиваю бежать дальше. Он вроде только согласился не обострять, плечи, напряженные было в преддверии удара, расслабились... и я перетянул его стеклом по хребту:

– Бегом, псина! Бегом!

Удар, извинения, удар. По плечам, по спине. По ногам было ошибкой, захромал мужик. Присушил я ему ногу. Подсаживаю его на передние сани, перед которыми мы бежали, и говорю:

– Продышись немного, братец. Никита, прыгай сюда, пробежимся!

Да, я назвал его «братец». Потому что третье – делить коллектив. Лепить ярлыки, не останавливаясь. Этот – рохля, бери пример вон с того, который молодец. Ты, побитый – брат мне названный, я тебя, любезного, в тулуп и на сани, беречь буду, а ты куда лезешь? Беги давай, чучундра! А еще мы тут все равны. И Никита запросто спрыгивает с саней и бежит наравне со мной и получше этих увальней. Посмотрите, как легко двигаются мои парни, пусть даже в этих неудобных башмаках! Справитесь с такими, а?

А еще не давать им сбиваться в кучи. Вижу, что кто-то на бегу начинает переглядываться, угадываю заводилу и переставляю местами. Разбивать кучкование, атомизировать. Удар, извинения, удар, оскорбление, умная фраза на армейском с кучей непонятных слов и похвала. Хвалить тоже важно. Этого хвалим – этого ругаем.

Бежим.

Физподготовка у них ни к черту. Уже метров через триста начали тяжело дышать. Через полкилометра – задыхаются. Ага, теперь можно в голос подбавить немножко ласки.

– Давайте, родные, еще чуть-чуть! За деревню уже выбежали, вон там, у той сухой коряги привал. Давайте, братцы-мушкетеры, дотерпите вон дотуда! Дышим, дышим!

Бегут. Ага, вон те вроде поймали ритм бега, пошли чуть полегче. А эти – увальни.

Ребята на санях спешно застегиваются. В лицо дует холодный неприятный ветер. Мне-то что, у меня под ярко-красным камзолом термобелье, я и при минус пятнадцать не замерзну. Хорошая термуха, фирменная. Мамина забота. Да и бегаю я всю свою жизнь. Потому бегущие по колее две колонны мужичков успеваю обогнать, пропустить мимо, снова обогнать... И все – с этими подленькими штучками, с ударами, извинениями, оскорблениями, подначками... Все-таки капрал – распоследняя скотина. Убил бы гада, если бы это был не я.

Луна поднялась повыше. Светит ярко. Вместе с бесконечной россыпью звезд все это хорошо освещает снежную равнину и голубоватые шапки на деревьях. Отчетливо видна укатанная колея дороги и заботливо расставленные вдоль нее вешки. Пока луна не сядет – идти можно. А она сейчас на убыль идет, недавно после полнолуния... То есть на небе считай почти что до утра. Это нормально, это устраивает.

Ерема ощутимо захромал уже к пятой сотне метров, и я посадил его на сани. Запомнил тех двоих, что были объектами его особенного внимания. У него к ним явно что-то личное. Да уж, тяжело пришлось моему бойцу. Кажется, у меня теперь есть, что высказать в лицо Архипу при личной встрече.

Добежали до примеченной мной коряги.

– Стоп! Остановились. Ваша колонна: ломайте сушняк, вон там, чуть в сторонке, вы двое – разводите костер. Ты, ты и ты – наковыряйте мне камней вон оттуда. Видишь, на склоне овражка из-под снега виднеются? Вот их. Да побольше, греть в костре будем. Быстрее, быстрее, православные! Двигаемся, не мерзнем! Большой костер, дров не жалейте! Рожин! А, черт с тобой. Карпыч! Доставай масло. Да не жмись, нам прямо сейчас большой огонь нужен. Давай, давай, не стоим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.